

МИХАИЛ ЗУЕВ

18+



ПАТЧ

КАНУН

Городская проза

Михаил Зуев

Патч. Канун

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зуев М.

Патч. Канун / М. Зуев — «Издательство АСТ»,
2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-117858-1

Молодая женщина из Эстонии, сорокапятiletний телесценарист-москвич и шестидесятилетний мультимиллионер – волею судеб встречаются на средиземноморском острове и становятся объектом эксперимента, которого не знала человеческая цивилизация: создания новой расы людей, чуждых агрессии, тех, кому уготовано спасти планету от неминуемой гибели. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117858-1

© Зуев М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Уважаемый читатель!	6
Предисловие автора	7
Предисловие художника	8
Глава 01	10
Глава 02	19
Глава 03	22
Глава 04	26
Глава 05	30
Глава 06	35
Глава 07	40
Глава 08	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Зуев Патч. Канун

© Текст. Михаил Зуев, 2019

<https://www.facebook.com/formikezuev>

© Дизайн. Алекс Андреев

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

* * *

Соне, с надеждой.

Уважаемый читатель!

В моей книге работает технология дополненной реальности (Augmented Reality Technology). Чтобы быть во всеоружии, загрузите в ваш телефон приложение Alchemy AR. Оно доступно как для Apple iPhone, так и для Google Android. Встретив в книге кодированные рисунки и видеосюжеты – вы легко поймете, что это именно они, – запустите Alchemy AR, наведите камеру телефона на кодовое поле и следите за происходящим на вашем экране. Кстати, первый код дополненной реальности ждет вас уже на следующей странице.

Автор

Предисловие автора



Предисловие художника



ALEXEY
ANDREYEV
ARTWORKS
AR/VR

ALEXEY
ANDREYEV



*Чем дальше в лес, тем в нем матёрей волки
Чем дольше век, тем в нем заметней ржа,
Что днища лодок ест, и сталь иголки,
Блеск ножницы, острие карандаша
Приравнены к оружию, изъяты,
На крайний случай сточены. И лишь
Отцовы латы, дедовы заплаты,
Прабабкин плат ты доблестно хранишь.
Но помни, о дитя больного века,
Чернильниц хлеб чернильным молоком
Прихлебывая – лес дрожит от снега,
И волки ссут и плачут кипятком.*

Ольга Левская

Глава 01

Сон ускользнул, как не было. Испарился без будильника. Цифры проекционных часов на потолке пульсировали, то набирая, то ослабляя яркость. Около девяти, но в комнате с не зашторенным на ночь окном отчего-то было подозрительно светло. Наверняка, подумал Андрей, за ночь выпал снег. И не просто снег. А много снега. Декабрь – всегда декабрь. Несколько следующих, последних между сном и утром, минут он лежал неподвижно, распластавшись по шелку простыни, растекшись телом и мыслями, словно прислушиваясь к своему нынешнему состоянию. Сложному, странному, но приятному.

Голова не болела. Совсем. Так, слегка, наблюдалась некоторая воздушность и игривость, но – ничего серьезного. Прошло без последствий. Не отрывая головы от подушки, Андрей нащупал на полу бутылку боржоми, отвернул пробку, сделал пару объемных глотков, прогоняя намечающийся сушняк. Да, конечно, не будем отрицать, позволили вы себе, молодой человек, вчера лишнего, спору нет. Но ведь не надрался же! Наконец, ему стала понятна истинная причина такой легкости: впервые за долгие дни можно было расслабиться. Вот просто взять – и расслабиться. Лежать и плевать в потолок, в переносном смысле, а если захочется – так и в прямом. Не бежать никуда, не спешить, не начинать побудку с электронной почты вместо туалета и ванной. Не застывать, не успев одеться, в позе лотоса в глубоком кресле возле хищных мониторов, вычитывая на пока свежую еще голову пришедшие сквозь прерванный в полчетвертого утра сон очередные гениальные абзацы. Не накидывать с отвращением в телефон строчки новых дел на сегодня, взирая с тоской на так и не выполненное вчера (и позавчера, и позавчера).

А вот теперь можно было просто ничего не делать. Ничего. Ни-че-го-шень-ки. Совсем ни фига. Сдан проект. Сдан. Закрыт. Сдан и закрыт с триумфальным результатом! Всё! Свободен на четыре месяца. Как ветер в поле! Никакой Москвы, никакого офиса, никакой зимы. Сто двадцать два дня подряд – я не ваш, я ушел, я ничей, я свой и только свой!

Андрей закинул в рот последнюю «житанину» из мятой пачки, прикусил зубами, щелкнул бензиновым огнивом «зиппо». Глубоко, с чувством затянулся. Сделав паузу, с драконьим присвистом выпустил дым через ноздри и легким пружинистым движением сорокапятилетнего знающего себе цену альфа-самца соскочил с распростертого под ним дивана. Потянулся – до хруста в суставах, подошел к окну.

Замело. Серьезно и, похоже, надолго. По Беговой еле плелся нескончаемый автомобильный поток. У въезда в тоннель под Ленинградкой три мелких машинешки (у Андрея было для них специальное смешное слово – «колобашки») сцепились боками и бамперами, образовав бестолковый островок из грязного дешевого железа; его было вынуждено обтекать безбожно тормозящее, из-за нежданного препятствия и отвратного непрекращающегося снега, Третье кольцо. Нажав наощупь несколько кнопок на космического вида кофемашине, обосновавшейся в углу высокой барной стойки, Андрей запрыгнул под душ и включил нестерпимо горячую воду. Раньше он уже ставил над собой эксперименты на тему «что и в какой последовательности лучше»: сначала нежный капучино, а потом теплый душ, или сначала контрастное водно-процедурное издевательство над собой, и только потом малюсенький ристретто с полустаканом тающей ледяной крошки из фризера? Второй вариант всегда приводил в чувство и согревал гораздо результативнее, посему был принят за стандарт де-факто.

Андрей машинально открыл кухонный шкаф и потянулся за пакетом кошачьего корма. И только уже на полпути руки с пакетом обратно вспомнил, что еще вчера отвез Матвея к матери. Вообще-то Андрей любил собак. Но позволить себе собаку не мог. Какой пес выдержит взаперти суточные отлучки хозяина, командировки, суету и катавасию рабочего процесса по ночам да дым коромыслом и столбом? А вот котам на это глубоко начхать. Вначале, когда

Андрей только присмотрел на «птичке» серого пушистого маленького сибирца, звали его Барсик. Или Мурзик – Андрей уже точно не помнил. Еще какое-то сложносоставное имя было в родословной записано, но оно уж точно оказалось невыговариваемым. Котенок рос хитрым, сообразительным и подвижным. Когда хозяин начинал что-нибудь есть – причем неважно, выпадала ли еда с кошачьим рационом или нет, – маленький изверг всегда запрыгивал на стол, садился в полуметре от Андрея и заглядывал в рот. Поэтому всякие барсики-мурзики были быстро забыты, а подрастающий кот по праву стал именоваться Сборщиком Податей Левием Матвеем. Первые три составные части имени из-за длинноты тоже вскорости отпали, а Матвей – остался. Животным Матвей был своенравным, весь в хозяина, никак не иначе. На «кис-кис» и «Мотю» только презрительно щурился, ожидая, когда же, наконец, к нему обратятся по всей строгости и должности формы.

Матвей легко переживал двух-трехдневные отлучки Андрея, когда тому приходилось ехать в очередной дом творчества на коллективную сессию – просто мама заходила раз в день, давала корма и чистила лоток. Однажды Матвей прожил без Андрея в пустой квартире вообще почти две недели. Когда Андрей вернулся с отвратного выездного проекта, злой и уставший, Матвей встретил его, сидя на домашней барной стойке в позе сфинкса, повернутого к Андрею задницей. Попытки Андрея поменять свое положение в пространстве так, чтобы можно было поговорить с головным концом кошачьей тушки, ни к чему не приводили – кот, как стрелка компаса, отворачивался от Андрея, юстируясь к носу хозяина толстой пушистой жопой. Только где-то через час Матвей наконец-то сменил гнев на милость и взял из рук хозяина кусочек вареного мяса.

Ключей от «кадиллака-эскалейда» на привычном месте тоже не было. Сразу после процедуры передачи кота матери машина уснула в теплом многоэтажном гараже. На ее довольных, в кои-то веки отмытых и навощенных отполированных боках читалось: «сами возитесь в вашей собянинской грязи и дерьме, а у меня – отпуск!», так что в офис вчера Андрей заезжал уже на метро. Уложенная также еще вчерашним утром нехитрая поклажа – два небольших, но очень стильных чемодана, один из которых одежный, а второй так называемый «технический», – обрадовала Андрея: сегодня собирать уже ничего не надо, не надо лазить по шкафам в поисках шмоток, белья, парфюма и прочих мелочей, рискуя что-нибудь обязательно забыть. Андрей с детства ненавидел суету и предпочитал все делать заранее. Лучше чуть-чуть потом подождать, чем с вываленным на плечо языком в идиотской спешке догонять. Вот и такси он вызвал еще вечером.

Андрей потянулся к вешалке за курткой-аляской, но понял, что там, куда он едет, она ему совсем не пригодится. Сдвинул створку зеркального платяного шкафа-купе рядом с входной дверью и достал джинсовую куртку с теплой отстегивающейся подкладкой. Присел в кресло – «на дорожку», окинул свою дизайнерскую минималистскую холостяцкую берлогу прощальным взглядом, приподнял чемоданы и шагнул за порог. «Из гавани домашнего уюта в наполненный ветром океан дальних странствий» – выпрыгнула из котла креативного варева в сознание неуклюжая пошлая отштампованная фраза. Андрея улыбнуло.

Кургузая желтая, по крышу в мокрой дорожной грязи машина ждала Андрея у подъезда «дома на ногах».



– Доброе утро! Пожалуйста, Шереметьево, терминал «Е»!

Молодой приветливый широколицый водитель среднеазиатской внешности погрузил чемоданы в багажник, хлопнул дверью, потыкал пальцами в планшет-навигатор и плавно тронул свое ушатанное такси, миллиметражом выезжая из заставленного автомобилями по самое некуда непропорционально маленького дворика под домом-гигантом на огромных бетонных ногах в три этажа высотой – направо, на Беговую аллею, чтобы вскоре влиться в поток по Беговой улице в сторону тоннельной развязки с Ленинградским проспектом.

Беговая, как и полтора часа назад, еле ползла. Три сцепившиеся между собой грязные коlobашки, замеченные Андреем утром из окна, были все на том же месте. Их води-

тели-бедолаги, включив двигатели, покорно сидели, неподвижно нахохлившись, каждый в своей машине, в ожидании полицейского экипажа, что разрешит их проблемы и отпустит каждого восвояси – если, конечно, доберется до места аварии, что в сложившихся условиях трафика было задачей не из простых.

Андрей открыл на смартфоне «Яндекс-пробки» и насторожился. Ленинградка сплошь пылала багровым. Десятки «жестянок» плюс неубранный, продолжающий прибывать снег вывели его из умиротворенного настроения человека на заднем сиденье, которого везут и от кого ничего не зависит.

– Знаете, – Андрей говорил тихо, но очень отчетливо, медленно артикулируя каждое слово, понимая, что, вероятно, у водителя есть проблемы с русской речью, – давайте изменим точку назначения. Едем на Белорусский вокзал.

Шофер покорно стал тыкать пальцами в навигатор, но Андрей сказал твердо:

– Не нужно. Я покажу дорогу, так будет быстрее и надежнее.

После тоннеля под Ленинградским проспектом машина перестроилась вправо, с Нижней Масловки свернула на улицу Расковой. Там было не чищено и очень узко, но водитель уверенно утюжил маленьким передне-приводным, рыскающим носом «хюндайчиком» снежно-грязевое месиво, местами даже попуская машину в подобие управляемого заноса и едва заметно улыбаясь своей ловкости. Сделав по указанию Андрея левый поворот на такую же грязную Пятую улицу Ямского Поля, он вопросительно полуобернулся к Андрею.

– Поезжайте до конца. Там Т-образный перекресток, на нем делаем правый на Первую Ямского Поля. По ней прямо. Как увидите Ленинградку, так на пересечении уходите налево, под Белорусский путепровод. Только осторожнее, там перекресток очень неудобный, и наша очередь последняя.

Этот перекресток был хорошо знаком Андрею еще с двух последних классов школы. Именно на нем инструктор по вождению любил отрабатывать со своей старшекласной паствой маневр под названием «поворот на главную налево». И двадцать восемь лет назад на этом уродском перекрестке все было тем же самым, только вот машина, на которой Генадь Филиппыч учил школьников на будущих Сенн и Шума-херов, была грузовой, практически убитой и на ручной коробке, причем без синхронизаторов, так что трогание с места требовало воистину акробатической сноровки.

Десять минут спустя Андрей стоял у окошка кассы Белорусского вокзала, покупая билет на аэроэкспресс. Рядом с блестящей тележкой с ноги на ногу переминался «усатый нянь» – носильщик, отвечавший за судьбу Андреевых чемоданов. Конечно, билет можно было купить и в автомате в двух метрах рядом, но общению с машиной Андрей предпочитал нормальный человеческий контакт. Двенадцать лет назад отец – когда они виделись, как оказалось, в последний раз; а тогда ничего и не предвещало, – сказал: сынок, мир устал от роботов, от механических, да и от живых двуногих.

В вагоне бизнес-класса было тихо и спокойно. Андрей сел справа у окна, откинулся на спинку кресла, закупорил уши наушниками-вкладышами, погулял по меню телефона вверх-вниз и нажал «плей».

Is this the real life? Is this just fantasy?
Caught in a landslide, no escape from reality¹.

Голос Фредди звучал, вводя Андрея в трансцендентное состояние. Всё, безусловно, было именно здесь, незыблемо и неизменно. Пахнувший пластмассой и металлом вагон. Мягкое упругое ворсистое кресло. Чистое прозрачное оконное стекло, отделявшее теплый уютный

¹ Это реальность или иллюзия? Меня настигла лавина реальности – мне не спастись.

салон от промозглого, продуваемого ветрами перрона. Реальность, конечно, оставалась – здесь и сейчас, но одновременно, тоже сейчас и здесь, неуловимо текла и становилась другой: иначе окрашенной, иначе воспринимаемой, имеющей другой вкус и цвет. Вдруг пришло ощущение, что вот вагон сейчас тронется, еле слышно взвоят электромоторы, поплывут платформа и городские дома за окном – и мир незаметно придет в движение особым образом. Таким, что вернуться назад уже не получится. Никогда, как бы ни хотелось. Но это начинающееся движение в неизвестность нисколько не пугало Андрея. Вспомнилось ему избитое древнекитайское – «путь в тысячу ли начинается с первого шага». И первый шаг был сделан совсем без сожаления: с надеждой.

Позвонил Зайратьянц, отключив своим звонком голос Фредди и вернув Андрея в «здесь и сейчас».

– Летишь?

– Ага. На пути Икара. Скоро крылья будут прибинтовывать.

– Не опоздай, пробки.

– Да похеру мороз. Аэроэкспресс.

– Молодца. Ладно, Дрюн, давай, не грусти. Созвон через день.

– Слушаюсь, Командор. Народ к разврату готов!

– Ну, пока.

Зайратьянц звонил Андрею со своего, с карманного. Тут же в салоне его «броневика» по громкой заверещала вторая мобила. Зайратьянц забыл отключить Андрея – очевидно, просто швырнул ставший ненужным телефон на столик перед собой или на сиденье рядом. Еще секунд двадцать Андрей безразлично слушал, как Зай ругался с какой-то дамой из мосфильмовского продакшна, причем правда явно была на стороне Зайратьянца – но дама профессионально упорствовала и не сдавалась, очевидно стараясь довести Зая до белого каления. Наконец, Андрею надоела вся эта перепалка, не имевшая теперь к нему ни малейшего отношения. Он топнул пальцем по экрану, отключая Зая и возвращая Фредди.

So you think you can stone me and spit in my eye!
So you think you can love me and leave me to die
Ooh, baby
Can't do this to me baby
Just got to get out
Just got to get right out of here...²

Стюардесса-проводница, улыбнувшись, поставила перед Андреем большую кружку американо, пожелала приятного пути. Черноволосая, тонкая в талии красавица в красной пилотке кого-то неуловимо напомнила Андрею.

«Ну-ну, а?.. Ну точно! Вера! Вера Васильчук! Она – не она? Ну просто копия! Только тогда мы были на двадцать восемь лет моложе. Надо же...»

Вера училась в параллельном 10 «Б». С младших классов она занималась в кружке художественного слова и собиралась после школы пойти учиться на артистку или на диктора телевидения. Андрей же с учителем физики Виктором Степанычем как раз только-только закончили оборудовать школьный радиоузел – скоммутировали пульт и усилители, протянули по всем этажам старого школьного здания акустические кабели, развесили колонки. Целых две недели занимались! И вот, когда школьное радио было готово, каждый день на большой пере-

² Ты думаешь, что можешь забросать меня камнями и высказать презрение! Ты думаешь, что можешь любить меня и оставить умирать? О, малышка, со мной так нельзя, малышка. Я должен выбраться, я должен выбраться отсюда.

мене теперь устраивали музыкально-новостную программу – в самом что ни на есть прямом эфире.

Андрей писал тексты и подбирал музыку. Вера работала «по специальности» – читала перед микрофоном написанные Андреем заметки. Педколлектив школы был очень доволен качеством программ – всегда интересных, иллюстрируемых отличным музыкальным материалом, в меру веселых и очень живых. Андрей от природы обладал тем, что называется «бойкое перо». Ему нужно было лишь представить любую тему, а написать на нее заметку, причем с нужным хронометражем, получалось само собой.

Андрей с Верой вели программы всю третью и четвертую четверть десятого класса, до самых выпускных экзаменов. Поначалу в программах было много текста, но неделя за неделей слов становилось все меньше, а музыки все больше. И никто в школе не догадывался об истинной причине такого преобразования – ни учителя, ни ученики.

А причина была простой и сильной – как проста и сильна сама жизнь. *La vie immediate*³. Радиорубка запиралась изнутри. Когда Вера читала текст, с ней нельзя было целоваться. А Андрею хотелось. И моглось – даже очень. Да и Вере, что греха таить, тоже. Поэтому Андрей и сокращал количество слов в материалах.

Впрочем, спонтанно начавшаяся «лав стори» так же спонтанно и закончилась. В пять утра после выпускного бала Вера танцующей походкой прошла мимо Андрея – не замечая, как мимо пустого места, – шмыгнула в открытую дверь шестисотого «мерса», и танк во фраке с красавцем – будущим скорым обладателем диплома МГИМО – за рулем унес ее к светлому будущему, где не было ни единого квадратного сантиметра для Андрея, сына инженера-технолога и нормировщицы с авиастроительного завода «Знамя труда».

Андрей подал документы в МАДИ. Про институт он знал лишь, что после школы с автоделом и правами категорий В и С пацанов туда берут при любом раскладе, если, конечно, не обосраться, получив двойку, а также слышал где-то раньше развеселую речевку: «ударим мадами по бездорожью!» Кроме того, до института было близко ехать – одну остановку на метро или четыре на троллейбусе по прямой безо всяких пересадок.

Экзамены Андрей сдал, что называется, «не приходя в сознание», и без проблем был принят на АТФ. За мощной аббревиатурой скрывалась вовсе не аденозинтрифосфорная кислота, как ему надлежало знать из школьного курса биологии, а автотранспортный факультет.

В институте Андрей практически с первого семестра оказался в команде КВН. Светить мордами желающих было, как всегда, много, а вот делать креативные тексты для команды – не особо. Андрей же совершенно не желал заниматься актерским промыслом, а от клавиатуры его было не оторвать. Андрей быстро вышел на первые роли в команде, руководимой Володей Зайратьянцем – в недалеком прошлом комсомольским активистом и студентом, а теперь ассистентом кафедры «Автомобили».

Зай был умен, подвижен, совершенно не заносчив и обаятельно-талантлив во всем, что касалось коммерции. Как раз когда Андрей заканчивал обучение, Зай ушел с кафедры и открыл рекламное агентство. «Маракуя» с неба звезд не хватала, но кэш-фло генерировала неустанно и прилично. Зай пригласил Андрея к себе на работу, но Андрей отказался – почему-то он вбил себе в голову, что будет работать по специальности.

По специальности, в автоколонне, куда по знакомству с начальником привел его отец, Андрей отработал ровно полгода. Больше у него не хватило сил выносить творившийся вокруг идиотизм. Однажды в случайно купленном номере газеты «Коммерсант» Андрей прочел, что издательский дом собирается выпускать автомобильный журнал. Редакция «Коммерсанта» располагалась на улице Врубеля – в пешей доступности от недавно законченного МАДИ, только разве что с другой стороны Ленинградки. Сочтя этот факт добрым предзнаменованием,

³ Сама жизнь (франц.), также название альбома Александра Градского, выпущенного в 1984 году.

Андрей без обиняков пошел в разведку боем. Ночами дома он за пять дней написал три статьи на взятые из головы темы автомобильной тематики и отправился с ними в редакцию.

Собеседование Андрея замотанный ответсекретарь несуществующего пока журнала проводил в курилке на черной лестнице. Выкурив за разговором о том и о сем две сигареты, он взял из рук Андрея стопочку листов и сказал «позвонить завтра». Ни завтра, ни послезавтра, ни неделю спустя застать его не месте не удавалось. Тогда Андрей плюнул на все эти идиотские безрезультатные прозвонки и поехал в редакцию сам. Ответсекретарь поглядел на Андрея как баран на новые ворота, потом спохватился, вспомнил, хлопнул себя по лбу и объявил, что Андрей принят с испытательным сроком в полгода, пока за штатом, а дальше – по обстоятельствам.

Алый состав пронесся мимо платформы Лиано-зово за несколько секунд. Андрей едва успел повернуть голову туда, где стояли две прилепившиеся друг к другу старые грязно-зеленые шестнадцатиэтажки. Знакомый балкон на пятнадцатом теперь выглядел иначе. Вместо зияющей амбразуры, откуда круглый год торчали старые разохшиеся лыжи, и лет им было явно больше, чем Андрею, а в углу притулился потерявший всякий товарный облик от ветров и дождей еще более древний шкаф, – так вот, вместо всего этого теперь балкон закрывали новые стеклопакеты. Ну наконец-то, подумал Андрей, наконец у нее есть кто-то, кто может решать ее проблемы. И вместо должной бы к месту дежурной ревности он, к своему стыду, испытал лишь облегчение.

Это было десять лет назад. Или двенадцать? – да, собственно, какое имеет значение. Андрей тогда уже не работал в «коммерсовском» журнале. Там он задержался всего-то года на два или два с половиной – на гораздо более интересных условиях его пригласили в автомобильный «глянец», и он, вообще не раздумывая, согласился. «Глянец» соседствовал в одном холдинге с телеканалом. Канал был так себе, маленький, малюсенький, сидел на дециметровом вещании. Но – все же телеканал, причем вполне профессиональный и, как считал содержащий его «папик», имевший перспективы. Вообще, в медийном так – чем в большем количестве «гнезд» ты засветишься сегодня, тем выше твои шансы завтра. Помимо работы в журнале, Андрей делал на канале автомобильную передачу. Причем именно делал – что означает: полностью определял и обеспечивал контентную политику, – а не работал «попкой-дураком» в режиме «куда пошлют».

Тексты, написанные Андреем, озвучивала на камеру бойкая девчонка с «правильной» родословной из большой папиковой семьи, и поэтому в героиню стендапа Андрей никогда не лез. Он быстро усвоил правила игры, и они его вполне устраивали. В качестве отдушины он оставил для себя рубрику «Наш тест-драйв», выходящую со свежим материалом раз в две недели. Можно было, конечно, сделать ее еженедельной, но, во-первых, где было взять столько нового материала – пришлось бы сутками не вылезать со съемок и из монтажки, а ведь работу в журнале и редакторские обязанности по передаче в целом с него никто не снимал; и во-вторых, у Андрея были большие сомнения в том, что в году можно набрать сорок восемь или там все пятьдесят моделей автомобилей, достойных тест-драйва, – таких, при виде которых у зрителя не возникнет желания перещелкнуть канал. Поэтому, отказавшись от спринтерского азарта и гигантомании, он стал осваивать «бег на длинную дистанцию».

Ранним сентябрьским вечером Андрей возвращался домой на только что отснятом со всех ракурсов и во всех аспектах новом, только что вышедшем «рендж-ровере» из пресс-парка представительства «Лендровера». Днем помесили прилично грязи на заброшенном карьере. Устал, решил: помою машину завтра, перед тем как отдавать. «Рендж» был весь в глине, выглядел живописно – в разводах, с налипшей пожухлой травой, и только сектора на ветровом стекле, обрабатываемые лезвиями дворников, да фары, омываемые чистящей жидкостью под давлением, нескромно сверкали в начинавших спускаться сумерках.

Андрей поехал через промзону. Дорога там была разбитая, грязная, но отнюдь не более грязная, чем кузов машины, – терять было нечего. В набегающих порывах ветра пошел косой дождь, за считанные минуты превратившийся из мороси в ливень.

На автобусной остановке он увидел ее, безуспешно пытавшуюся спрятаться от непрошеного холодного душа в павильончике с проломленной крышей и выбитыми стеклянными секциями.

– Девушка, да вы тут йогой занимаетесь?! Это вас инструктор послал? Как асана называется? – Андрей выскочил из-за руля и распахнул перед девчонкой переднюю пассажирскую дверь.

– Мокр-асана! – рассмеялась она, запрыгивая на сиденье. – Где тут у вас климат-контроль крутить?

Аэлита – так ее звали на самом деле – согрешившись и уяснив, что ограбление, изнасилование и убийство не предусмотрены программой сегодняшнего вечера, всю дорогу до ее дома развлекала Андрея импровизированной дискотеккой, подключив плеер из сумочки к бортовой акустике восьмидесятого уровня от «Харман-Кардона». Ехать предстояло долго. К удивлению Андрея, «Пинк Флойд» сменял «Рэйнбоу», «Электрик Лайт Оркестра» соседствовал с «Депеш Мод», а «Квин» мирно уживался с «Алан Парсонс Проджект».

Встретиться договорились через два дня. Андрей, до сих пор не обзаведшийся собственным автомобилем – тут тестовые незнамо куда девать, – приехал на Чистые пруды на своих двоих, в чем признался Аэлите честно и сразу. В ответ черноглазая Дюймовочка достала из сумочки красную книжечку; раскрыв ее, Андрей прочел: «Верескова Аэлита Михайловна. Московский уголовный розыск. Следователь».

На следующий день – была суббота – гуляли весь день по ВДНХ, завалились потом в ресторан «О, кино!», а на третий вечер, после «Юноны и Авось» в Ленкоме Андрей поехал провожать Аэлилу, да и остался у нее насовсем – она так решила. В этой хрупкой девчонке, выглядевшей лет на десять моложе своего возраста, не достававшей макушкой Андрею даже до подбородка, была какая-то невероятная сила. Не подчиниться ей было нереально. Подчиняться же доставляло здоровенному мужику ростом метр девяносто доселе неизведанное удовольствие.

Поезд плавно затормозил у перрона в зале прибытия. При входе в авиатерминал Андрей погрузил чемоданы на ленту рентгенотелевизионного интроскопа. «Одежный» чемодан проехал без проблем, а разглядывая внутренности второго, женщина-оператор с немим вопросом посмотрела на Андрея.

– Бэ-эм-эс. Боевая машина сценариста, – улыбнулся он в ответ.

На паспортном контроле пограничник, привычно бросив взгляд на лицо, в паспорт и снова на лицо, дежурно поинтересовался: цель поездки.

Андрей помедлил немного и честно сказал:

– Неясная.

– Запишем: туризм. Счастливого пути! – откликнулся пограничник, с грохотом шлепнул штамп и вернул паспорт.

В самолете сиденье рядом с Андреем пустовало. Через проход сидела дама, расставшаяся с темными очками только после того, как самолет выехал на рулежную дорожку. Впрочем, очки помогали плохо. Андрей сразу узнал ее, сыгравшую в конце восьмидесятых главную роль в фильме, после которого на нее дробила половина мужского населения великой страны. Актриса была не одна. Рядом с ней небрежно откинулась в кресле властная, но веселая дама, развлекавшая артистку шутками-прибаутками. Андрей хорошо знал все эти продюсерские заморочки. Не иначе антреприза едет: примы – в «бизнесе», остальные – как всегда, в хвосте, чтобы подешевле.



Звезда выглядела усталой. Она быстро и интенсивно набралась плохоньким брютом, посетила заведение и в позе эмбриона сложилась в своем кресле. Андрей с жалостью смотрел на нее, спящую. Вот тебе и *sic transit gloria mundi*⁴. Вчера – свежая девочка и звезда экрана, а теперь что? – антреприза да долгоиграющий сериал. Если бы она знала, кто я, то точно бы удивилась. Интересно, сколько лет она живет моими сюжетами и говорит моими фразами? Андрей вспомнил, посчитал, еще раз уточнил. Шесть. Шесть лет. Да, забавно это. Есть такая работа – творить параллельную реальность. Не самая плохая работа. Один из плюсов – тебя не знают в лицо. Так что можно обходиться без темных очков. Легко. Использовать их только по прямому назначению.

После ленча Андрей задремал и проснулся только от объявления по громкой бортовой связи.

– Дамы и господа! Командир корабля включил табло «Застегните ремни». Наш самолет приступил к снижению и примерно через пятнадцать минут совершит посадку в аэропорту Ларнаки. Погода в Ларнаке солнечная. Температура плюс двадцать четыре градуса по Цельсию. Мы прекращаем обслуживание и начинаем подготовку к посадке. Просим вас: занять свое кресло; убедиться, что ручная кладь размещена на багажной полке или под сиденьем кресла перед вами; застегнуть ремень безопасности; поставить спинку кресла в вертикальное положение; убрать откидной столик; открыть шторку иллюминатора...

Под крылом, как в немом кино, побежали мелкие бурунчики штилевого Средиземного моря, мелькнула серебрящаяся океаном Соляриса маслянистая поверхность Ларнакского солевого озера. Еще один легкий вираж, прицеливание, быстрое проваливание вниз – и самолет с натужным гулом турбин и выпущенными под девяносто градусов закрылками в реверсе, едва заметно подпрыгивая, побежал по полосе.

Пожалуй, в джинсовке с подстежкой мне будет здесь жарковато, улыбнулся Андрей.

⁴ Так проходит мирская слава (лат.).

Глава 02

Димитру бил кашель. Сухой, хриплый, частый. Кадри проснулась. Девушки никогда не закрывали дверь между комнатами на ночь. Димитра любила засыпать на диване в гостиной, а лежбище Кадри было в спальне. Димитра шутила: я маленькая, вот мне и положена маленькая кровать, а ты, Кадри, у нас модель и королева – поэтому спи в собственных покоях. На самом деле причина была совсем в другом. Димитра могла полночи куролесить без сна, если рядом вполголоса не работал телевизор, – она не умела засыпать в тишине. А телевизор в крошечной «one bedroom»⁵ был всего один.

Кадри вышла в гостиную, не одеваясь.

– Дими, температуру мерила?

– Ага.

– Когда?

– В два ночи.

– Издеваешься? Сейчас одиннадцатый час!

– Ка, прости. Я сейчас.

– Ну ты как маленькая!..

Кадри засунула хлеб в тостер, насыпала в фильтр свежий кофе, достала из холодильника томатный сок, немного фруктов и сыр, бросила на сковородку несколько ломтиков бекона.

– И?

– Тридцать восемь и три.

– Все с тобой понятно. Тебе в постель или за стол пойдешь?

– Ка-а-а, я совсем есть не хочу... – похоже, Димитра не лгала.

– Ладно, как знаешь. Дашь «лягушонку»? Я на час-полтора отъеду.

– Что ты спрашиваешь? Бери, конечно же!

Грязно-белая облезлая «лягушонка» сиротливо притулилась возле ворот, прямо под вывеской «Данаос Комплекс». Кадри открыла незапертую дверь – брать в машине все равно было нечего, так какой смысл запирать? Несмотря на грустный внешний вид, «ниссанчик» завелся с получиха. Это и понятно: Михалис всегда следил за всеми автомобилями, что имели к нему хоть какое-то отношение. Вспомнив о Михалисе, Кадри поморщилась. Пискнул вотсап в телефоне. Блин, легок на помине. «Ка, прости, хватит уже... Давай завтра встретимся!» Вот надо же, даже мой график до сих пор не забыл! – вместо ожидаемого отвращения это все же было Кадри неосознанно приятно.

Она нажала на кнопку голосового ответа и поставленным сопрано пропела в микрофон по-русски на мотив «Неаполитанского танца» из «Лебединого озера»:

– Люми-и-и-ни-вую проб-ку

Я засуну тебе в жоп-ку,

И замазаю замаз-кой,

И заделаю шпаклёв-кой!

Кадри прекрасно знала, что Михалис не понимает русского – ну разве что кроме мата, так его здесь все декодируют. Значит, пойдет, болезный, к ребятам, будет просить перевести. Ну что, пусть переводят, филологи, твою мать!

Кадри быстро проскочила короткий отрезок Авеню Томб оф зе Кингс, оставив слева Кингз Авеню Молл, пронеслась по Агион Анаргирон, на круге свернула на Европис. Проехав

⁵ Квартира с одной спальней.

щит с надписью «Международный аэропорт Пафоса – 15 км», тормознула. Никогда не знаешь, где они тут стоят. Зелени много, спрятаться с радаром проще простого. Это вот Димитра всегда попадаетеся, а меня фиг с два подловишь.

Впрочем, полиции сегодня работать было лень, и Кадри зря пилила весь бульвар строго пятьдесят. На кругу возле «Альфа-Меги» «лягушонка» раскрутилась и как камень из пращи вылетела на «Аб», быстро набрав ненаказуемые сто двадцать километров в час – верхнюю границу негласно принятого скоростного коридора, за нее тут ничего не бывает. А вот за сто двадцать один – всё, не отвертись, попал на деньги и на баллы.

Минут через пять машина свернула налево на Агия Варвара и спустя километр ушла направо, на каменистый проселок. Не дороги – направления, пришло на ум Кадри. В полукилометре впереди виднелся гараж Спироса. Вот ведь одногодки с Михалисом, одноклассники, друзья, наконец, – а какая разница! Спирос – мужчина, а этот – сопля с понтами. Возле гаража Кадри коротко посигналила. Спирос оторвался от подвешенного на подъемнике джипа и приветливо махнул Кадри грязной рукой.

После гаража начиналось самое интересное. Всего-то километр, но какой! Слева, в камнедобывающем карьере, грохотал комбайн, пережевывающий породу в щебень. Жирная каменная пыль летела по ветру. Кадри забыла закрыть окно и тут же почувствовала легкое похрустывание на зубах. Как можно быстрее проскочив пылящий участок – а тоже еще та задача, будешь тут сильно разгоняться, так колеса отбросишь, – свернула направо и въехала на куриную ферму Каранидиса.

Хотела было сразу зайти, но вместо этого набрала номер по громкой.

– Karanidis poultry farm, can I help you?

– Hello, I'd like to talk to Sveta⁶.

– З-ве-е-та-а-а! – послышалось в трубке. Кадри рассмеялась: надо же, лет пятнадцать с мачехой живут, а имя ее нормально произносить не научились.

Света вышла на улицу, держа в одной руке пакет с куриной тушкой, а в другой маленький подносик с кофе и сахаром. Кофе дымился и пах так, что голова шла кругом.

– Ой, Кадри, – Света улыбнулась старой знакомой, – а внутрь чего не идешь?

– Тётъ Свет, у Димитры грипп походу, а твоей старшей рожать через месяц – зачем рисковать?

– И то правда. Курить будешь?

– Ага.

Примостились на маленьком карнизике рядом с дверью и с полминуты сосредоточенно молчали, прихлебывая Светин кофе, перебить вкус которого мало кто мог во всем Пафосе и окрестностях.

– Рождество скоро. Мы уже индеек завезли. Сидят, жрут в три горла. Ты домой поедешь?

– Света, да кто меня отпустит? – Кадри глубоко затянулась сигаретой. – У нас же теперь самая пахота.

– Ну и что? Кроме тебя некому, что ли?

– Управляющий говорит, я самая сознательная. И полиглот – за те же, блядь, деньги – пять языков, вот они и рады. – И добавила по-эстонски: – Ahh! Mingu nad põrgusse!⁷

– Мама как? – Света закурила вторую. – Засран-ка я, два месяца ей не звонила.

– Нормально вроде. Ты же знаешь, она как запрется в себе, бесполезно спрашивать, все равно не скажет.

– Да, Кадри, так и есть. Я сегодня, вот только разберусь с птичницами, позвоню ей.

– Спасибо, тетъ Свет. Пойду я.

⁶ – Птицеферма Каранидиса, чем могу помочь? – Привет, я хочу поговорить со Светой.

⁷ Да пусть катятся в ад.

– Иди, детка, – Света приобняла Кадри за шею и поцеловала в лоб.

Димитра спала. Одеяло съехало набок, лицо покраснелось, на лбу выступила испарина. Кадри закинула курицу в кастрюлю и поставила на плиту. Через час Дими уже уплетала горячий наваристый суп от шефа Кадри:

– Ка, ну почему ты всё-всё готовить умеешь, а я ничего?

– Мышка, это потому, что тебя всю жизнь мама кормила!

После обеда Дими только собралась закурить, но тут Кадри напялила на нее халат с пальто и взашей выставила на балкон: зачем воздух портить, сама же потом будешь дымом дышать и лишний раз кашлять! Кадри вышла на балкон следом за Дими. Дими обняла ее: замерзнешь. Кадри только рукой махнула, но высвободиться не стала.

Через час температура у Дими спала. Она валялась с плеером на диване, глядя в работающий без звука телевизор. Кадри решила тоже пару часиков перед работой поспать – еще неизвестно, как смена обернется. Через пять минут Дими проскользнула в спальню совсем без одежды и залезла к Кадри под одеяло.

– Бля, ну надо, чуть не проспала! С тобой, Мышка, опасно в одной кровати! Ты меня как Пол Пот Кампучию!

Горячая от сна Димитра приподнялась на локте и поцеловала Кадри в правый сосок.

Кадри вскочила, быстро приняла душ, напялила рваные джинсы и куртку, взяла заранее приготовленный гармент-бэг и вышла из дома. Этой дорогой она ходила многие сотни раз. До «Парадизиума» было десять минут, если вразвалочку, и пять, если быстро.

Еще через десять минут – строгая, высокая, тонкая, отутюженная, холодно и приветливо улыбающаяся – она стояла за стойкой портье одного из лучших отелей в Пафосе.

– Dear Mister and Miss Griffiths! We are glad to welcome you in our hotel and will do everything to ensure that your stay with us leaves you with only pleasant memories!⁸

Начиналась обычная ночная смена.

⁸ Уважаемые господин и госпожа Гриффитс! Мы рады приветствовать вас в нашем отеле и сделаем всё, чтобы ваш отдых с нами оставил у вас только приятные воспоминания!

Глава 03

С утра лило как из ведра, а к трем развеялось. Андрей утопал в мягком глубоком кресле в глубине «Харбора» на Посейдонас авеню в Като Пафосе. Рядом тихо сопел газовый отопитель. На улице, пока шел со стоянки, Андрей продрог – ветер сегодня был нешуточный, но через десяток минут ему стало жарко. Эх, если бы потеплее, так можно бы сесть на улице. Ну нет, сегодня этот аттракцион у нас не пройдет.

Андрей подозвал официанта, заказал фραπε, мясо и минералку, попросил убавить обогреватель. Вид из окна, летом превращающегося в раздвижную дверь, был достойный. Синева: синь неба, синь моря, синие блики от воды на бортах покачивающихся у причала яхт. Синева, нескромная такая, непривычная жителю средней полосы, где у природы в ходу совсем другой цвет – серый. Пятьдесят оттенков серого. Бонд, Джеймс Бонд. Нет, я ещё не выкурил свою последнюю сигарету.

На Кипре Андрей очутился второй раз в жизни. Первый был семь лет назад. Аэлита – и солнечные ожоги, «летающей походкой ты вышла из мая», Айя-Напа и Нисси Бэй Бич Бар, дискотеки и дайвинг, виски и брют, сигары и ром, энергетики и кофе, суточные марафоны на двуспальном стадионе – сейчас Андрей предпочел бы всё забыть. Если бы знал, как это развидеть. Разслышать. И – разпомнить.

Тогда, в их третий вечер, когда он провожал ее по холодному мокрому московскому сентябрю домой и, поцеловав, уже собрался повернуться, она взяла его за пуговицу джинсовой куртки и сказала. Тихим поставленным голосом, без всякого очарования, таким, каким говорят: «вы самое слабое звено». Просто как свершившийся факт, не нуждающийся в обсуждениях и сомнениях:

– Ты остаешься.

Он любил по вечерам, когда хотелось курить, выходить на незастекленный захламленный балкон, поджигать сигарету на неуютном ветру, сделав домик из ладоней, вдыхать дым и смотреть вдаль на платформу – мимо нее проносились электрички, светясь желтыми оконцами. Некоторые останавливались, выпускали и впускали публику – тогда внутри вагонов за окошками словно точки в картинке двигались, как будто шевелился маленький муравейник. А когда догорала сигарета, клал ее аккуратно в глубокую трехлитровую банку, возвращался, дверь открыв, мерзлый, обветренный, а его, и только его, Лита сидела, как кошка, в кресле, ноги поджав, и еле слышно:

– Иди ко мне, глупый, холодный, я согрею...

Она каждое утро уходила на свою работу, в этот уголовный розыск, чтобы вернуться вечером, хуже – поздно вечером, еще хуже – через сутки, потому что дежурство. Когда она возвращалась к нему назад, от ее одежды несло суровой мужской жизнью – бензином, металлом, плохим дешевым куревом, еще чем-то тревожным. А от ее лица, шеи и груди все равно пахло только «Паломой Пикассо», и Андрей знал, что не может быть у него никаких подозрений, а если есть, то все они глупы и беспочвенны, потому что от нее всегда пахнет только «Паломой», и никто из них – суровых, грубых и правильных, «наша служба и опасна и трудна» – никогда не посмеет переступить через границу, защищаемую подаренной им «Паломой».

Аэлита, Лита моя. Она так уставала в нечеловеческой, неженской гонке, наполненной бандитами, убийцами, мертвыми телами и вещественными доказательствами. У них – у Литы и у него – тогда ничего не было: ни свободы, ни денег, ни будущего, ни надежд. О вчера уже не думалось, завтра не наступало никогда. Было только сегодня на улицах разбитых фонарей. Это продолжалось год, а может, два.

Андрей опомнился первым. Он думал, ее придется упрашивать, умолять, доказывать, прыгать перед ней клоуном. Нет. Она выслушала его сбивчивую речь и – «вы самое слабое звено»:

– Ты прав. Во всем прав. С этим надо кончать.

И тут оно как-то повернулось, распорядилось, выпала нужная грань – раз, второй, третий. Сошлось всё, как в удачном пасьянсе: Аэлита стала членом коллегии адвокатов и уволилась из МУРа. Теперь одежда ее благоухала, а на щеки вернулся румянец. И по ночам Андрей, почти теряя сознание от вихревого тока, пронзавшего его тело, носом утыкаясь в ее пульсирующую сбивающейся морзянкой шею, вдыхал на грани подступающего безумия горячую «Палому Пикассо».

И был счастлив.

Потом его турнули сразу отовсюду – и из журнала, и с телеканала. Мол, кризис, сокращения, проблемы, приятно было познакомиться, аля-улю гони гусей. Работы ни у кого не было. Рекрутинговые агентства посылали по известному адресу, даже не принимая резюме, – да вы что, ситуация сейчас такая, и не надейтесь. Андрей и не надеялся. Он достал из Литиного покосившегося, вросшего в землю гаража древнюю уродливую «ниву»-пятидверку и стал бомбить по ночам. Днем отсыпался. Поначалу было противно, а потом как-то срослось.

Одно не срасталось. Андрей стал тупеть. Возвращаясь по утрам домой, часто застав только след аромата «Паломы Пикассо» и тарелку с завтраком под салфеткой, он сидел неподвижно на табурете, посасывал отвратное пиво из алюминиевой банки – а в голове ничего не происходило. Играли там какие-то отрывки реклам с «Авторадио», перед глазами снова проплывали ночные светофоры: красный – желтый – зеленый – сцепление – первая – газ... Приходил тяжелый сон.

К возвращению Литы Андрей готовил ужин. Она впархивала, каблучками постукивая, вся такая деловитая, корпоративная; целовала его в колючую щеку. Они силились сказать что-то друг другу, но не находили слов, и вот уже телевизор стал третьим и самым главным собеседником в их доме. Незаметно проскакивало короткое время – и тут часы опять показывали десять вечера, и Андрей брал ключи от «нивы» и снова уходил до утра, оставляя себе холодный прокуренный салон драндулета да набегающие светофоры, а Лите – стылую постылую постель, где не согреться и под самой теплой периной. Да тихое отчаяние.

Андрей ехал по Королёва, мимо телецентра, поздно, в час ночи или в два. Одинокая фигура голосовала на зимней обочине, приплясывая от холода. Андрей остановился. Голос пассажира был знакомым, и Андрей повернулся. Вообще-то, он не любил разглядывать своих попутчиков – они были для него чем-то вроде реквизита в театре абсурда, вроде груза; чем-то вроде условного рефлекса: посадил – довез – денег взял.

Андрей повернулся и в отогревающемся незнакомце, уже скинувшем под действием «нивовской» печки шапку и перчатки, узнал Зайратьянца. Зай был слегка пьян, стильно одет, на запястье правой руки – он был левшой – в скупом свете ночных фонарей поблескивал керамический браслет от «Радо».

Андрею стало стыдно за всё, что так стремительно произошло и, самое главное, продолжало происходить с ним. Но вместо того чтобы молча поднять воротник кургузой своей куртки и поглубже втянуть голову в плечи, Андрей повернулся и спокойно, без дрожи в голосе сказал:

– Добрый вечер, Володя! Это я.

Через три дня Андрей вышел на работу в фирму к Зайратьянцу.

Зай два года назад продал рекламное агентство и основал телевизионный продакшн. Денег в нем было пока не очень, но тренд оставался положительным и устойчивым. Через восемь месяцев завершили сразу три проекта, и Андрею выписали весьма приличный бонус. Бонус этот он до дома не донес. Превращенный в прилично подержанный, но хорошо отре-

ставрированный «хаммер эйч-два», бонус встал возле подъезда, а утром ключи от него были положены в жестяную банку из-под чая, к крышке была приклеена записка: «Аэлитовоз».

Андрей никогда не понимал, что это такое – «дамский автомобиль», титул, что подлецы-маркетологи присваивали отвратной четырехколесной мелочи. Любимая женщина должна ездить на танке. И это единственно правильно.

Мясо и фραπε кончились. Андрей спросил ирландского кофе и с бокалом вышел на улицу – покурить и позвонить Заю.

– Володь, здравствуй. Я не вовремя?

На этот раз в трубке не было никакого постороннего звукового фона.

– Вовремя, Дрюн. Все в порядке. Смотри, чего я думаю...

Думать у Зая всегда получалось хорошо. В отличие от Андрея, понимавшего, что ум никогда не был сильной стороной его натуры.

Год назад Зая с Андреем подали сценарную заявку на полный метр. Заявка валялась где-то под сукном, потом ходила неведомыми тропами. А теперь ей дали зеленый свет: нашлись деньги.

– Сценарий нужен, Андрей. Спокойно, обстоятельно, без гонки, но и без тормозов. Когда сможешь начать?

– Через полчаса.

– Первые наброски когда?

– Три-четыре дня дай мне.

– Даю. Бери.

Володя явно был в хорошем настроении.

Андрей расплатился с официантом и вышел в средиземноморскую синеву. Решив поразмять ноги, отправился по пустынной набережной в сторону Пафосского замка. Небо, готовясь к раннему зимнему закату, незаметно стало окрашиваться багрянцем. Мостовая на ветру совсем высохла. Жирные чайки лениво просиживали парапет. Пожилые супруги-англичане, трогательно обняв друг друга, шли навстречу. Поравнявшись с Андреем, улыбнулись и сказали в унисон: «Hello!» Андрей на автомате поклонился приветливым старикам. Опустил глаза: мне так будет не с кем.

Кому рассказать – ведь не поверят. Не изменяли друг другу. Не ссорились. Ничего такого не было. Андрей думал: раньше у нас все было плохо, потому что денег не было. Наверное. Теперь же денег стало больше, много больше. Но ничего не изменилось. Были две отдельных жизни, и никто не знал, как вернуть то, что было в самом начале – одну жизнь на двоих. Не знали. Да, наверное, и не хотели.

Андрей оказался в вакууме. Гульнул раз, гульнул два – обреченно, глупо, неизобретательно, скучно. Сам признался. Аэлита села напротив него и – «вы самое слабое звено» – сказала бесцветно:

– Иди. Не держу. Ты свободен.

Андрей тайне надеялся получить по роже. Ох, как хотел он, как внутри молился, чтобы вот так – с размаху, да со всем словесным поносом, что в таких случаях полагается! Но нет. Ничего. Изолиния. Ни раздражения, ни сожаления. Ни ненависти, ни любви.

– Ты свободен.

Сама собрала чемодан. Ключи от «хаммера» сунула в портфель. Андрей спустился вниз, бросил брелок с гравировкой «Аэлитовоз» в почтовый ящик. И ушел прочь. Не было никаких надежд – «давай немного поживем отдельно», «возможно, все переменится», «вернемся к разговору через неделю». Через неделю Андрей прекрасно функционировал в чужой, почти случайной кровати и, как ни силился покрыть себя позором, не находил для этого оснований.

Он звонил – раз, второй, третий, и еще до мгновения, когда она снимала трубку – а она никогда не позволяла себе не снимать трубку, когда он звонил, – еще до этого самого мгнове-

ния понимал, что опять делает что-то ненужное, что это всего лишь продолжение изолинии. Что просто частота гетеродина сдвинулась, он остался на старой, а она ушла на новую, или наоборот, как знать, но эфир теперь пуст. Андрей пробовал бухать, но все заканчивалось через час, даже не начавшись, а еще через три он бывал так трезв и пуст, как не бывают трезвы даже самые трезвые люди на планете.

Пафосский замок оказался просто развалинами на молу. Здоровенные волны перелетали через волнолом и делали истертые гладкие камни мостовой мокрыми, черными и от этого по-особому красивыми.

Андрей сел в нанятую в рент-э-каре игрушечную малолитражку – на ней он ехал позавчера из аэропорта Ларнаки в Пафос – и отправился сначала в «Альфа-Мегу» за едой, а оттуда потом – домой. На кругу возле Дебенхамса он пристроился за фиолетовым «лендрровером-дефендером». Внезапно «дефендер» подрезала стрёмная тонированная «бэха». «Деф» дал по тормозам.

Очевидно, Андрей неверно держал дистанцию или отвлекся. Корма «дефендера», вздыбившись, приняла на себя капот малышки. Раздался хруст. Капот встал горбом. Лобовое стекло пошло трещинами. Андрея бросило на рулевую колонку, но ремни удержали его от удара. Скорость была низкой, подушка не сработала.

Ибо неисповедимы пути Господни, подумал он с улыбкой.

Глава 04

Встретиться уговорились в час. Было без четверти. Док вышел на нависший над Женевским озером пятачок Плятформ Сур Ле Ляк, присел на круговую скамейку парапета и принялся набивать трубку. Он знал, что Янковски подойдет к нему ровно в час – если, конечно, небо не упадет на землю, – как знал и то, что Янковски, конечно, уже здесь и прячется, очевидно, в террасном баре слева. Но его улыбка Чеширского Кота проявится рядом с Доком ровно в час, и ни секундой раньше. Потому что оставшиеся пятнадцать минут – они не его, не Валери, а Дока, бывающего в Монтрё не чаще двух раз в год. Его личное время. И в такие минуты не надо ему мешать. Потому что это очень особые минуты.

Док раскурил трубку и повернулся от озера к городу. Небо нависало холодной сталью. Плотные хищные снеговые облака, освещаемые изнутри солнцем, отсвечивали серым металлическим светом – от одного вида Доку стало зябко. Поморщившись, он застегнул куртку до самого верха. Статуя Фредди Меркьюри, отлитого в самой известной, самой триумфальной позе, словно собиралась взлететь над свинцовой водной рябью.

«If you want peace of soul, come to Montreux»⁹. Фред-ди был прав. Он так не любил отсюда уезжать. В итоге остался навсегда – и какая разница, где теперь его прах? Сам он обязательно тут – над озером, над суетой, над кичливым швейцарским «money talks, wealth whispers»¹⁰.

Для Дока Фредди был больше чем гениальным музыкантом. Фредди был загадкой. Док перечитал о нем десятки книг; прочел, просмотрел и прослушал сотни интервью. И чем больше он входил в тему, тем больше у него возникало вопросов – причем Док знал, что ответы вряд ли будут. Юность Фредди – за ней, скорее всего, придуманная биография. Родители Фредди – а кто сказал, что это родители? Ведь сохранилась всего одна фотокарточка, да и та похожа на монтаж. Особая сексуальная ориентация – а кто может подтвердить, что она была?! Смутное мычание дебила-парикмахера с его гнусной книжонкой, и ни одного материала от папарацци, годами носившихся за Меркьюри по пятам. Его разгулы в Гамбурге – и ни одного полицейского протокола. Мэри Остин, единственная любовь в молодые годы? Но она хранит молчание и будет хранить его всегда.

Фредди был для Дока олицетворением тайны. Док не мог в нее проникнуть. Фредди был иллюстрацией того, что «в действительности все иначе, чем на самом деле»¹¹. Этот принцип Док знал хорошо. Более чем. Потому что это была суть его жизни.

– *Von après-midi, Doc! Comment êtes-vous arrivé?*¹² От вашей трубки идет такой чудесный аромат, ни с кем невозможно спутать даже за полсотни метров, даже с моим зрением Крота из «Дюймовочки»! – протянутая для пожатия ладонь Валери была теплой, мягкой, но в то же время энергичной. Док любил людей с теплыми ладонями. Тепло вообще в дефиците в нашей реальности.

– *Merci beaucoup, mon cher!*¹³ В поезде тепло и уютно – как всегда.

– Вы голодны, Док?

– Валери, с тех пор как я начал худеть, я голоден всегда.

– И как ваши успехи в самоистязании? – очки Янковски с толстыми стеклами отсвечивали от воды, оставляя глаза почти невидимыми. Но, судя по выражению лица, он искренне сочувствовал Доку.

⁹ «Если вы хотите обрести душевный покой – приезжайте в Монтрё».

¹⁰ «Деньги говорят, богатство шепчет».

¹¹ Фраза Антуана де Сент-Экзюпери.

¹² Добрый день, Док! Как добрались?

¹³ Большое спасибо, мой дорогой!

– Пока не очень, но, надеюсь, все еще впереди.

– Вот и прекрасно! Чтобы хорошо худеть, сначала не мешает хорошо поесть! – с улыбкой откликнулся месье Янковски, персональный менеджер Дока по private equity¹⁴. – Пицца?

– Безусловно! – согласился Док. – Худеть так худеть!

– Тогда – вперед! – провозгласил Валери и решительно взял Дока под руку.

Со стороны могло показаться, что перед нами давно не видевшие друг друга отец и сын. Док – широк в плечах, Валери – высок и худ. Док – сед и бородат, Валери – шатенист и роскошно усат. Доку – под шестьдесят, Валери же никак нельзя дать больше сорока. Ну и расхристаный джинсово-кожаный вид Дока вкупе с его потертыми найковскими кроссовками контрастирует с дорогим пальто, безукоризненно отутюженными брюками и явно ручной работы туфлями месье Янковски.

В пиццерии «Молино» было людно. Валери заказал пиццу, Док – мясную лазанью. Открыв элегантный чемоданчик, Янковски достал папку с аккуратно подшитыми документами.

– Ваши автографы, Док.

Конечно, всё можно сделать по экспресс-почте, факсу, телефону и имейлу – и так оно обычно и происходит. Но есть такие – личностные – вещи, что теряются в бездушных механических коммуникациях. Например, настроение партнера. Бизнеса не бывает без настроения. А если и бывает, то это уже не бизнес, а дом терпимости.

– Как видите, Док, это полугодие у нас лучше. Незначительно. Но лучше. Не знаю, смог ли я показать всё, на что мы способны, но в любом случае мы с вами прошли без потрясений. Особенно учитывая текущую конъюнктуру, – от былой игривости месье Янковски не осталось и следа.

Док работал с Янковски почти десять лет и очень ценил его профессионализм. И не только. Они вполне могли встретиться в Женеве, в офисе Валери, но лишь Док обмолвился о Фредди, как Янковски сам предложил:

– Док, вы так редко у нас бываете. Так давайте будем сочетать полезное с приятным, тем более что я тоже люблю Монтрё. Моя покойная мама родилась здесь. У деда был домик на берегу. К сожалению, после смерти мамы я был вынужден его продать.

– Отчего, Валери?

– Я так и не смог бывать в доме, где все напоминало о детских годах и девичестве моей матери.

Разобравшись с обедом и делами, Док и Валери вышли из ресторана.

– Вас подвезти, Док? Меня ждет водитель.

– Благодарю, Валери! Вы же знаете, как я люблю железную дорогу. Там, где я живу, ее нет совсем. Не могу отказать себе в столь редком удовольствии.

– Был рад встрече с вами, Док!

– Спасибо, мой дорогой друг!

Поезд бесшумно скользил по берегу Женевского озера. В полупустом вагоне висела тишина, приятно пахло кожей и деревом. Одорант они здесь распыляют, что ли? – подумал Док. Он достал из сумки фляжку с односолодовым виски, глотнул пару раз. Комок живого тепла в желудке поднялся в голову, пустил свои щупальца в ноги, отозвавшиеся приятной тяжестью.

Парадоксальная штука жизнь. Как там, в «Форрест Гампе»? – «Мама всегда говорила, что жизнь – это коробка конфет: никогда не знаешь, какую вытянешь». А что, как все и сразу?

Док вырос на Стромынке. Жил с родителями в большой квартире с огромным квадратным коридором; с комнатами, в двух из них были эркеры; с ванной комнатой, тоже с окном; и с

¹⁴ Частный акционерный капитал.

дверью, что вела на черную лестницу, сразу рядом с кухней. Недалеко от дома стояла триста семьдесят восьмая школа, славившаяся углубленным изучением математики, но особо отличившаяся тем, что ее когда-то закончил «народный – любимый – уважаемый» Валентин Иосифович Гафт.

К удивлению родителей, Док решил поступать не на мехмат и не ВМК МГУ, а в Первый медицинский, на лечебный. Бабушка была единственной, кто одобрил его выбор.

– Может, ты и прав. Наверное, прав. Там – мертвые формулы, а тут – живая жизнь.

Бабушка долгие годы жила слепой. Но у Дока всегда сохранялось ощущение, что она видит лучше и дальше, чем отец и мать.

– И вообще, милый мой. Откуда тебе знать, где ты будешь через десять или пятьдесят лет? Чем ты будешь заниматься? Разве пригодятся тебе косные схемы и извращенная формульная схоластика, вся состоящая из общих мест? Они лишь сослужат плохую службу. Математики верят, что знают мир, что могут его просчитать и предсказать. Поверить алгеброй гармонию. Заставить мир плясать под свою дудку. Какое щенячество! В их знаниях нет бога. Значит, нет и знаний, а есть лишь иллюзии, лишь части и частности. Медицина же научит тебя любить и понимать жизнь. Исцелять. Смотри в корень в слове «исцеление». Жизнь – не частности, а целое. А где целое – там бог. Там, и только там, альфа и омега.

Смысл бабушкиных слов Док понял лет через тридцать и в который уже раз поразился ее мудрости.

Когда Док учился на четвертом курсе, умер отец. Еще через полгода мать тронулась рас-судком и теперь большую часть времени проводила в психиатрическом стационаре неподалеку. Бабушки уже не было, и Док остался один. После института распределили его в хирургическую интернатуру сто пятой больницы на Стромынке, по иронии судьбы в трех минутах от дома.

Ощущения от начала профессиональной жизни были странными и противоречивыми. С одной стороны, в больнице был огромный хирургический корпус на триста коек, а значит, было где и было чему учиться. Но с другой – Док никогда не мог себе даже представить, как устроена изнанка врачебной профессии. А устроена она была по старому принципу: я начальник – ты дурак.

В начальники Док не стремился. Но и дураком отнюдь не был. Отвратное хамство, царившее в больнице в направлении «сверху вниз», было ему глубоко противно. Со всей ясностью Док понял: в этой системе так будет всегда. И все, что он может делать, оставаясь в системе, так это постепенно – если позволят – подниматься из дураков в начальники. И прыгать цуциком за зарплату и няшки, а они там, наверху, еще подумают: а достоин ли ты? Или, может, прыгаешь недостаточно борзо? Значит, учись прыгать. Пока самого не вынесут вперед ногами.

Либо нужно было в корне менять саму систему. Но как это сделать и куда менять, было совершенно непонятно.

Но тут началась перестройка. Как попкорн в автомате, стали расхлопываться центры НТТМ и кооперативы. Однажды на дежурстве, сидя за чаем в ординаторской общей хирургии, Док листал газету объявлений и наткнулся на три строчки малюсеньким слепым шрифтом: «Кооператив приглашает инициативных людей для взаимовыгодного сотрудничества». Адрес – где-то на Рублёвке, и номер телефона. Телефон не отвечал. Утром после дежурства, забежав на полчаса домой за душем и завтраком, Док поехал по адресу. Стояла поздняя весна, в Москве уже было душно и пыльно.

На месте он обнаружил длиннющий многоподъездный восемнадцатипятиэтажный жилой дом. Входы в подъезды были со двора, а со стороны улицы существовала единственная дверь, распахнутая настежь. Войдя, Док увидел перед собой длинный коридор с кучей фанерных дверей с обеих сторон. Двери вели в пустые комнаты, было их штук двадцать. Мебели не наблюдалось никакой. Людей тоже не видно.

Док прислушался и пошел на голоса. В одной из дальних комнат, на единственных двух на все помещения стульях, возле заляпанного краской стола сидели двое. На столе стоял персональный компьютер. На полу в дальнем углу валялся матрас от старого дивана, рядом с ним – японский двухкассетный магнитофон. На этом оснащение кабинета – да и всей анфилады комнат – исчерпывалось.

Поезд плавно затормозил у платформы Женевского вокзала. Док вышел из вагона и через несколько минут неторопливой прогулки зашел в лобби старого скромного отеля «Страсбург» на Рю Прадье. Он поднялся на четвертый этаж, повернул от лифта налево и через две двери открыл дверь своего номера. Доку нравился этот отель за большие ваннные комнаты. Плохие гостиницы тем и отличаются от хороших, что в плохих в сортире не повернуться. Но если театр начинается с вешалки, то гостиница – с хорошего унитаза и со щедрого расстояния между тем самым унитазом и ванной. Если же еще и душевая кабина тут, то вообще прекрасно! Может, цинично, но факт.

Полчаса спустя такси везло Дока в аэропорт. Зарегистрировавшись на люфтганзовский коннект до Мюнхена, потому что прямых из Женевы домой не существовало, и пройдя досмотр, он сел в «Монтрё Джаз Кафе», заказав кофе и пару пирожных.

– Здравствуйте! Я по объявлению! – Док стоял в дверях, разглядывая сидящих за столом в штаб-квартире кооператива.

– Ну, заходи, гостем будешь, – откликнулся длинный худой мужик лет тридцати или тридцати пяти, с бледным лицом, покрытым трехдневной щетиной. Язва желудка, зуб дам, профессионально оценил ситуацию Док. Второй, смуглый, со слегка раскосыми бегающими глазами, молча сидел рядом с партнером.

– Ребят, я по объявлению, – повторил Док, – вот тут у вас написано, что инициативные требуются. Ну, я инициативный. А делать-то что надо?

– А мы сами не знаем, – честно сказал худой. – Ты присаживайся, давай знакомиться будем.

Кроме матраса на полу, другого сидячего места в комнате не наблюдалось. Но оно Доку не понравилось. Он не хотел сидеть на полу и сразу, с первой минуты, быть ниже хозяев офиса. Тогда он подошел к окну и рванул раму – щели ее были оклеены бумагой на зиму – на себя. Рама с треском распахнулась, комната наполнилась шумом Рублёвского шоссе. А Док вполне комфортно уселся на подоконник.

Откуда тогда ему было знать, что через три месяца он заработает с этими ребятами свои первые полмиллиона долларов.

Глава 05

Димитра хотела сама за руль, но Кадри ее не пустила – слаба ты пока, Мышка. Дими особо не расстроилась – залезла на пассажирское место, а как выехали за Пафос, закинула ноги на торпедо. Кадри раздраженно рявкнула:

– Дими, ногиними! Не дай бог что, вылетишь из-под ремня и прямо через ветровое стекло на асфальт!

Как раз позавчера на нижней трассе из Пафоса в Полис была лобовая авария «в мясо», и в городке, не привыкшем к таким ужасам, только о ней и говорили. Димитра тихонько вздохнула и села как полагается.

– Ну чего? – повернулась она к своей любимой Ка. – Вызывал вчера Зервас?

– Вызывал.

– А ты?

– Разобралась с эдинбургским рейсом и пошла.

– И чего?

– Да козел!

– Не, а чего конкретно говорил?

– Сулил золотые горы, сказочник.

– А ты?

Кадри не ответила, только чуть сильнее сжала руль. Зервас был управляющим в отеле. Нормальный с виду мужик, лет сорока пяти. Обходительный. Только заикается немного, когда волнуется. Зервас на нее давно глаз свой похотливый положил, эти вещи Кадри спиной чувствовала. Как чувствовала и то, что без толку всё это. Зервас же не сам по себе такой Зервас. Не хозяин он в отеле. Да, управляющий. Но хозяева-то совсем другие люди. И один из хозяев – отец жены Зерваса. Кадри видела их вместе, и детей их видела – двух мальчишек. Одному лет пятнадцать, а второй еще с соской. Кадри прекрасно знала, откуда берутся такие «сосочки». Когда жена чувствует, что у мужа свербит, и не привязать, не остановить, – просто берет и рраз! – дорогой, поздравляю, ты опять папа!

А тут тем более ловить было нечего. Зервас до тех пор на своем месте, пока ходит по струнке. А случись что, жена в сопли-вопли, отец ее – кулаком по столу, и вот пошел топ-менеджер Зервас с одним чемоданом и двумя картонными коробками работу искать.

– Ты кто?

– Я топ-менеджер.

– Пшёл на хуй!

... топ-топ-топ...

Сорок пять, а ничего своего нет, кроме культишки беспокойной в штанах. А с другой стороны, нежный он такой, что мурашки иногда по спине. Ну, не знаю, не знаю.

– Ка, давай направо, через Пейю! – прорезалась на развязке в Коралл Бэй беспокойная Димитра.

– Зачем?

– Я ффраппе хочу!

Кадри резко ушла в карман направо, включила поворотник и стала ждать, пока проедут встречные.

– Спасибо, что предупредила в последний момент. Я бы возвращаться не стала.

Димитра потянулась к Ка, вытянула шею, как неоперившийся птенец, и с громким приревом поцеловала ее в щеку. Кадри приобняла Дими за плечи и чмокнула в макушку.

Две минуты спустя Дими выскочила из придорожного британского бара с двумя стаканами ффраппе, и «лягушонка», натужно свистя дохленьким двигателем, стала взбираться в гору

по крутому серпантину. Справа скала, слева отвесный обрыв, а внизу и вдали, где-то километрах в трех, бликовало спокойное, почти штилевое море.

Кадри не собиралась никуда ехать. Но когда пришла с ночи, сразу тут как тут позвонила мама Дими, а чертовка Дими сразу сдала Кадри, что у той теперь два дня чистых выходных, ну а Кадри не смогла отказаться – понимала, что Дими одну в таком состоянии, тем более за рулем, отпускать нельзя.

- А ко мне в фейсбук неделю назад Хераклитус добавился! – продолжала щебетать Дими.
- Кто это?
- Ну, ты не знаешь! Одноклассник мой. В Лондоне в универе уже сто лет учится.
- И зачем он тебе?
- Как зачем? Хороший он.
- Он хороший в своем Лондоне. А еще когда спит зубами к стенке.
- А вдруг на Рождество приедет.



- Обещал?
- Сказал – процентов на девяносто, что приедет.
- Ну-ну. Тогда мери хрисмас, Димитра и Хераклитус, совет вам да любовь.
- Ка, да ладно тебе! Может, не приедет еще.
- Ну, не приедет, тогда у тебя есть я.

Димитра лучезарно, по-кошачьи растянула губы в улыбке, отчего ее миловидное личико округлилось и еще больше стало напоминать мордочку озорного лисенка.

Зервас. Так, а что Зервас? Почему мне всегда так везет с пустышками?! Опять получается, как тогда в Лондоне.

Никуда бы, ни в какие лондоны она бы, конечно, не ездила, если бы дома в Таллине была работа – жила бы с мамой да не знала бы горя. Вот посмотрите на Дими, она, в принципе, вообще может не работать – у родителей своя ферма да оливковые роши. Кадри же было особо не разбежаться. Сколько себя помнила, только одно было у нее постоянным: нехватка денег.

В Лондон Кадри приехала года полтора назад. Рекрутеры не обманули. Она вышла на Трафальгаре и пару раз обошла всю площадь по кругу, пока, наконец, заметила слепую вывеску – «Tequila Embassy»¹⁵. Зашла внутрь. Заведение было большим, двухэтажным, просторным, с высоченными потолками и огромными окнами. За окнами тек трафальгарский трафик, сновали в броуновском движении бестолковые туристы, твердой поступью шли или бежали местные жители. Заведение было большим. И почти совсем пустым.

Кабинет управляющего располагался на первом этаже, почему-то с молочно-белыми оконными стеклами в высоких рамах. Пожилой плешивый мужчина в старой, но хорошо накрахмаленной сорочке – у нее почему-то был чуть заломлен один уголок воротника, как будто неаккуратно погладили, а переглаживать не захотели, – в аляповатом, широком, давно вышедшем из моды галстуке и в пиджаке с обсыпанными перхотью плечами поговорил с Кадри несколько минут, о том о сем, и взял ее на работу официанткой с зарплатой 1900 фунтов в месяц по завершении трехмесячного испытательного срока. Как она вскоре узнала, из-за «безрыбья» неделю назад уволились двое, и работать стало совсем некому. Мистер Байрнсон – так звали управляющего – вызвал Эгле и приказал ей ввести Кадри в курс дела.

Эгле оказалась девчонкой приятной, спокойной и невозмутимой. Через час Кадри усвоила все нехитрые тонкости заведения, познакомилась с официантками и ребятами на кухне. С Эгле Кадри определенно повезло: Эгле снимала квартиру в складчину с другой девушкой из Литвы, а та взяла и неожиданно уехала неделю назад насовсем. Место пустовало, и Кадри, недолго думая, согласилась. Вечером, после смены, вместе поехали домой.

– Ты не расслабляйся, – рассмеялась Эгле, – нам еще полтора часа пилить, а то и больше.

За десять минут они дошли пешком до Чарринг Кросс, за час десять доехали на электричке Саузерн до Вулвич Арсенал, пересели на 625-й автобус и потом еще долго – не меньше получаса – тряслись по ночному Лондону. Для первого дня новых впечатлений у Кадри было более чем.

– Ну вот и приехали, – Эгле показала на противоположную сторону улицы.

Это был типичный старый трехэтажный дом-сарайчик, стоящий на перекрестке Гилбурн-роуд и Кингсдэйл-роуд. Двухспальные апартаменты, как со вздохом сказала Эгле, стоили здесь 880 фунтов в месяц, что по меркам современного Лондона и жилья не за сотню километров от центра и не в рассаднике преступности было вполне по-божески. Помимо арендной платы, десять раз в году требовалось платить муниципальный налог. Это были десять платежей по 220 фунтов каждый. Лифта не существовало. В доме – лестничный пролет, на каждой площадке по две квартиры разного состояния убитости. Во всех квартирах газ, стоящий в месяц еще около 30 фунтов. Паршивенький интернет обходился в 12 фунтов в месяц.

Будучи девушкой сообразительной, Кадри поняла, что ей на самом деле повезло. Если бы она искала квартиру одна, то всё встало бы ей еще дороже. А так – Эгле жила здесь уже три года, знала все местные цены и вряд ли стала бы переплачивать.

Кадри крутилась как могла, но если к концу месяца, даже с учетом чаевых, в кошельке оставалась сотня-другая фунтов – это было большой удачей. Большой же неудачей был мистер Байрнсон. Он под любыми предлогами вызывал ее к себе в кабинет и вел беседы на разные производственные темы. Старый похотливый сластотерпец был труслив – случись малейшая возможность обвинить его в харрасменте, и ему бы не поздоровилось. Но разговаривать с сотрудниками ему запретить никто не мог. Читая свои длинные бестолковые лекции, он ело-

¹⁵ «Посольство Текилы».

зил взглядом по бюсту Кадри под форменной ковбойской рубашкой, а задницей по старому истертому креслу, отчего оно в такт слегка поскрипывало.

Обычно после разговора с Кадри, выпроводив ее в зал, он быстро закрывал дверь своего кабинета на ключ изнутри. Тут-то Кадри и поняла, почему в окнах его кабинета, выходящих на улицу, вставлены непрозрачные молочные стекла. Так что муж и отец Зервас был отнюдь не худшим вариантом. По крайней мере, не извращенец.

В Полисе Кадри по указаниям Димитры – как-никак, Димитра тут выросла – быстро справилась с поворотами, ни разу не ошиблась, и машина выскочила на шоссе в деревню Неа Диммата, проложенное по самой кромке берега.

Кадри и Димитра приехали к дому родителей Дими как раз к обеду. И это было катастрофой. Мама Дими, однозначно заключив, что Кадри слишком тоща для своего роста – «Кадри, деточка, ты что, хочешь стать анорексичкой?!» – не успокоилась, пока тарелка Кадри, где было всего разного «ну самую чуточку» (лучше было бы сказать «ну самую горочку»), не опустела.

После обеда мама утащила Дими на второй этаж – «мы тут посекретничаем немножко, а ты отдыхай, дорогая». Кадри вышла на улицу и буквально через пару минут оказалась на высоком обрывистом морском берегу. Ветер был сильным, у Кадри текли слезы. Только слезы текли не от ветра – не было никакого смысла обманывать себя.

Кадри вспомнила другое море, Балтийское. И ветер. И пляж Штормка – переполненный скупым коротким летом и совсем пустынный в такие дни, как сейчас.

И отца. Трезвого и живого. Как он, смеясь, басил сквозь черные усы:

– Девочки мои золотые! Я счастливый садовник, ведь я живу в таком цветнике! Кто в цветнике хочет мороженого? Все хотят мороженого! – и бежал неуклюже к ларьку, на ходу доставая из заднего кармана холщовых брюк маленький полукруглый кошелек, близоруко отсчитывая монеты.

И маму. Молодую. Тогда морщины еще не изрезали ее лоб и щеки:

– Саша, Сашенька! Под ноги смотри, растянешься ведь!



И таллинскую квартиру, маленькую, уютную, в Пельгуранде, на бульваре Карла Маркса – что теперь стал улицей Сыле. Квартиру, где гостей встречал огромный аквариум в полстены, и папа каждые выходные ухаживал за ним, словно за живым существом, – собирая мусор, добавляя свежую воду, ремонтируя аэраторы, полируя стекла.

И себя – семилетнюю, тощую, длинную, белобрысую, веснушчатую, с измазанными мороженым щеками, держащую родителей за руки – «пап, дай десь копеек на качели!» – и навсегда уверенную, что завтра и до окончания дней будет много солнца, а любовь на свете никогда не иссякнет.

Утром Дими села за руль. Кадри не стала ее останавливать. Всю обратную дорогу Кадри молчала, отвернувшись к окну. Уже когда въехали в Пафос, достала телефон и отправила сообщение. Получив ответную записку, положила телефон обратно в карман.

Дома, пока Димитра распихивала по холодильнику и шкафам объемные мамины гостинцы, Кадри глотнула виски из горлышка, сухо сказала Дими:

– Сегодня не ночую.

И тихо закрыла за собой входную дверь.

Глава 06

Мюнхенский рейс должен был сесть в аэропорту Ларнаки в 16:05, а в итоге пришел на двадцать минут раньше. К удивлению, и рукав дали – один из самых близких к паспортному контролю и выдаче багажа. Буквально через десять минут Док вышел в зал прибытия. Он не любил суету на прилете – там постоянно толкались встречающие туристов водители из гостиниц и галдящие, как грачи, таксисты с табличками в руках. Из-за этого человеческий поток тормозил, и протискиваться через него становилось проблематично. Док поднялся на лифте этажом выше, в зону вылета, прошел широченные раздвижные двери и вышел на пешеходный мост, соединявший автомобильный терминал со зданием аэропорта. Здесь было совсем пусто, разве что с десятков военных из ограниченного контингента сил ООН сидели с дымящимися сигаретами на рюкзаках и травили анекдоты. Звучала немецкая, английская и русская речь с украинским акцентом, прерываемая взрывами гогота луженых мужских глоток.

Док прошел по широкому мосту и вышел на автомобильную стоянку. Самая удобная, самая близкая к аэропорту зона была зарезервирована для электромобилей. В ее центре красовалась система электрической зарядки. Зона была пуста: электромобилей в прилегающем пространстве не наблюдалось от слова «совсем».

Вот такая альтернативная энергетика, усмехнулся Док. Слышали звон, да не знаем, где он. Деятели! Могут вставлять себе в задницы электрорядные пистолеты – хоть какая-то польза будет и от них, и от пистолетов.

Росинант дожидался Дока в левом дальнем углу стоянки. Хотя идти туда было и далеко, но дальность с лихвой компенсировалась всегдашним наличием свободных стояночных мест. Еще издали завидев старого приятеля, Док придавил в кармане кнопку брелка. Росинант сверкнул три раза тюнингowymi светодиодами огнями и зажег свет в салоне. Тремя минутами спустя Док и Росинант бодро катили домой по шоссе.

Худого кооператора с Рублевского шоссе звали Вениамин, раскосого – Рустам. Кроме них в кооперативе больше никого не было.

– А зачем офис такой большой? – поинтересовался Док.

– На вырост, – гордо ответил Веня и протянул Доку визитную карточку.

Ребята явно поторопились – выроста вполне себе могло не случиться. Оба работали инженерами в НИИ. Для договоров и боковиков по хозрасчету НИИ и было предназначено юридическое лицо с гордым многослойным названием «Всесоюзное государственное кооперативное научно-техническое объединение „Кентавр“». Государственное участие в нем заключалось в том, что НИИ, где служили оба начинающих акулёнка капитализма, согласился поучаствовать в уставном капитале в размере ста рублей ноль-ноль копеек. Зато название получилось гордым и респектабельным – во всяком случае, Веня и Рустик именно так и считали.

Никаких идей касательно будущего у них не было. У Дока же не было не то что идей, он вообще не понимал, куда он попал и что это такое. Взяв у ребят домашние телефоны – офисный не отвечал, потому что кабель оказался где-то перебит, – Док отчалил восвояси.

Недели через две у Сёмы, у Семена Израильевича, «Сэмэна», как все в больнице звали доктора из соседнего хирургического отделения, был полуюбилей – отмечали сорок пять. Отмечали крепко. Начали еще днем у сестер в оперблоке, продолжили в ординаторской, а вечер заметно поредевшая, но тем не менее состоявшая из восьми человек компания встречала в первом разряде Сандуновских бань. Сэмэн когда-то соперировал, и удачно, тамошнего директора, поэтому имел в заведении карт-бланш, а банщики стояли во фрунт и по струнке.

Вывалившись в очередной раз из парилки и всосав полкружки пива – свежего и настоящего, а не прокисшего и разбодяженного, – Док почувствовал, как на его плечо, облепленное листочками от банного веника, упала лапища Сэмэна.

– Слухай сюда! Ты ведь с кооператорами трешься, верно? – Док говорил пару раз своим ребятам в отделении, что вроде как причалил к кооперативу. – Так вот, – Сэмэн сделал паузу, грызнув воблы и запив ее пивом, – у жены моей брат под Буранском. Начальник и-тэ-у.

– Эт чё такое? – не понял Док.

– «Эт чё такое!» – передразнил его Сэмэн. – Это исправительно-трудовое учреждение!

– Тюрьма, что ли?

– Сам ты тюрьма! Это лагерь. Перевоспитывают зеков в доблестных советских граждан, шоб було кому коммунизм строить! – заржал Сэмэн.

– Ну и?

– Проезжал он через нас неделю как. Короче, им в город или область, я подробностей не помню, нужно тысячу компьютеров. Ай-би-эм-пи-си, знаешь такое?

– Ну знаю, кто ж не знает.

– Но тут проблема. Денег у них нет.

– И чё?

– Компьютеры нужны, чё!

– А платить чем?

– Ну дак натурой можно.

– Какой натурой? – Док постепенно стал врубаться в ситуацию.

– Блин, они там лес валят. Зеков дохерища, леса дохерища. Всё бесхозное, жаль до жопы.

– А чего приезжал-то?

– Так найти, кто продаст.

– Нашел?

– Не-е. Все говорят – доллары давай. А долларов нет. Откуда в и-тэ-у доллары? На Газгольдерную ездил, в это, как его... Мэ-Мэ-Мэ, из тени в свет, блядь, перелетая... Тоже облом. Говорят, нафиг ваш лес не нужен, за рубли давайте. А рублей-то тоже нет, да и курс на обмен у них там такой, что мама дорогая...

Внезапно Дока осенило:

– Слышь, Сэмэн! Ты это, брата из виду не теряй! Я тебе через день-два всю схему скажу.

Наутро Док вместо больницы поехал на Рублёвку. Веня и Рустик так же, как и в прошлый раз, сидели за столом и плевали в потолок. Прямо с порога, без «здрасьте», Док выпалил:

– Вень! Мы договор заключить можем с горисполкомом Буранска? Или с заводом там каким? Мы же тоже как бы государственные с одного бока? Они нам лес, а мы им компьютеры?

– Ну, в принципе, можем, да, – насторожился Веня, – но только у нас компьютеров нет, и что с лесом делать будем?

– Компьютеры будут, а лес продадим!

– Кому?

– Я знаю кому! – на бегу проорал Док.

Было полдвенадцатого утра. Док выскочил из метро «Кропоткинская» и чуть ли не бегом понесся вниз, в сторону Кропоткинской набережной. Там на углу было здание, принадлежавшее главному управлению по обслуживанию дипломатического корпуса при Министерстве иностранных дел СССР, где сидели представительства иностранных фирм. Док знал там одну финскую фирму – они привозили в больницу реанимационные мониторы. С тех пор у Дока осталась глянцевая визитная карточка директора. Называлась фирма «ФинСовТрейд», что вполне очевидно расшифровывалось как «финско-советская торговля».

Позвонив снизу и пройдя через милицейский кордон, Док поднялся на третий этаж, прошел по изогнутому коридору и вскоре вышел на белую крашеную дверь, ее поверхность украшала табличка с логотипом. На нем вертелся земной шар, а его, в свою очередь, словно кольцо Сатурна или питон, обвивала надпись «ФинСовТрейд».

– Я из сто пятой больницы, – уняв волнение, сказал Док. – Вы нам мониторы поставляли.

– Чт-тто, чтт-то-тт-о не в пор-ряд-дке? – сидевший за столом финн в синем клубном пиджаке с золотыми пуговицами удивленно уставился на Дока из-под полуспущенной титановой оправы дорогих очков. – Нам-м ник-кт-тто от-т в-вас н-не з-з-вон-нил.

– Не, не беспокойтесь, с мониторами все нормально. Я по другому вопросу!

Три недели спустя составы с лесом бодро оформлялись на вывоз выборгской таможенной, финские фуры, груженные ящиками с заоблачными по цене компьютерами, столь же бодро пересекали финско-советскую границу в обратном направлении, а Марку Ликконен привез Доку домой на своем белом «вольво» чемодан. В чемодане было семьсот семьдесят пять тысяч американских долларов.

– Мож-жешь н-не счит-тать, у мен-ня как в пан-нки! – довольно улыбался в усы Ликконен.

– Какие панки? – не понял Док.

– Пан-нки – эт-то бан-нк по-ф-фин-н-нски.

Двести семьдесят пять тысяч увез тюремщик из Буранска, пятьсот осталось Доку с партнерами.

– По сто шестьдесят шесть на нос, – сказал Док и смочил пальцы о влажную губку.

– Не, цифра херовая, – возразил Веня. – Давай по сто пятьдесят, а пятьдесят в резерв.

– Как скажешь, – согласился с ним Док.

Общак в пятьдесят тысяч унес Рустик. Больше Док никогда не видел ни его, ни этих денег. По слухам, Рустик начал торговать в розницу бензином – ставил бензовозы на Яузе и Котельнической набережной. Однажды продавец с одного бензовоза сбежал с выручкой за три дня. Рустик поехал торговать сам. Подъехали ребята, невежливые, сказали отдать ключи от бензовоза и гулять. Рустик полез за ключами, но вместо них вытащил из-под сиденья ствол. Ребята оказались проворнее. Ни ствола, ни бензовоза, только Рустик с двумя дырками в груди и одной в голове – в придорожной грязи.

Веня периодически доставал Дока по телефону с какими-то бредовыми идеями. Потом позвонил и сказал, что уезжает в Израиль. Тепло, по-доброму попрощались. На Веню Док зла не держал. Да и на Рустика тоже. Спалился по-глупому, жадность фраера сгубила.

Из больницы Док уволился. В отделение пришел новый заведующий, стал всех шкурить направо и налево. Док прикинул – оставшейся у него на руках суммы, если считать доллар как один к четырем, хватало при той зарплате, что он получал в больнице, на двести восемьдесят восемь и восемь в периоде лет. Док послал надувшегося, как индюк, заведующего по известному из русского народного эпоса адресу и забрал трудовую книжку из отдела кадров.

К тому времени Док был уже год как женат. Жену Док нашел себе странным образом. Посещая время от времени Центральную медицинскую библиотеку на Профсоюзной, он обнаружил в зале журнальной периодики молодую миловидную библиотекаршу с очень приятным голосом. Когда она пришла на первое свидание, Док встретил ее с двумя букетами в обеих руках.

– Это вам, – сказал он, протягивая розы Татьяне.

– А второй? – улыбнулась Таня.

– А этот – для вашей мамы, Танюша.

– Ну так едем, сами и вручите!

Так Док в первый же вечер оказался дома у Тани, сидя за столом между Таней и мамой, прямо напротив папы. Цветы сделали свое дело, мама была в восторге. Но вот папа – папа настороженно оглядывал гостя и не знал, о чем с ним говорить. По всем признакам Док понял, что семья тут непростая. Доку нужен был сильный ход. И он его сделал. Хотя, на его месте такой ход сделал бы любой. И вообще говоря, ему просто повезло.

На журнальном столике в гостиной лежали два билета в «Современник» на послезавтра.

– На какой спектакль идете? – невинно спросил Док, пытаясь завязать беседу и нарушить молчание, воцарившееся за столом после первого обмена любезностями. Таня с интересом вскинула очи на Дока – гляди ты, интеллектуал.

– На «Генриха Четвертого», – отвечала мама, – там Гафт в главной роли.

– Да? – еще более невинно подхватил Док. – А я в школе за его партой сидел!

Док соврал. За партой Гафта в его классе сидели противная Загвоздкина и милейший ботаник Слава Мееров. Но, во-первых, это было давно, а во-вторых, надо же было с чего-то начинать разговор. Спектакля Док, естественно, не видел, а вот фильмографию Гафта помнил хорошо.

Несколько лет спустя, случайно встретив Валентина Иосифовича и его жену Ольгу Михайловну прогуливающимися по Арбату в районе Театра Вахтангова, Док пулей сорвался к ближайшему цветочному ларьку, выгреб все его содержимое и нагрузил чету Остроумова – Гафт двумя огромными букетами. Видя удивление на их лицах, удаляясь, почти прокричал:

– Вы все равно не поверите! Вы изменили мою жизнь!

На этот раз он не лгал.

Поскольку медсестер на работе у Дока было достаточно, то с первым сексом он Татьяну не торопил. За три недели до свадьбы она сама вспомнила – что вроде уже пора. Обнаружив на своих пальцах свежую кровь, Док понял, что отступать некуда. Да и не хотел он отступать. Таня была изумительна. Пока шла вся эта канитель с прогулками, театрами, ресторанами и прочими атрибутами жениховства, он успел влюбиться по-настоящему. Вдобавок запах ее тела сводил его с ума.

Через полгода после того, как Док уволился из больницы, у них родился первенец. Док открыл небольшую фирму по наружной рекламе. А тесть, человек скромный, но весьма весомый в определенных кругах, нагрузил фирму зятя приличным объемом работ. О тендерах в те годы не слышали, а если и слышали, то на фирму Дока это распространялось исключительно формально. Был у него и еще один бизнес, вообще закрытый и непубличный. Тесть привел Дока к правильным людям в правильное заведение, и другая фирма Дока стала обслуживать несколько сотен вышек сотовой связи в Москве и ближнем Подмосковье.

Док построил дом на Новой Риге, тогда там было совсем пусто и можно было выбрать участок по вкусу, а не «что осталось после массовой застройки». Татьяна родила дочь. В дела мужа не лезла, своих дел не имела, занималась домом и детьми. Удивительно, но по девкам Док не ходил. После работы спешил домой, валять дурака с детишками и любить жену.

Времена менялись. Однажды Доку предложили деньги за оба бизнеса сразу. Единственное условие – выкуп ста процентов доли. Он не стал сопротивляться. Бери, пока дают, – бизнесы специфические. Иначе отожмут или просто разорят. Док взял деньги. Денег было девять миллионов долларов.

Док никогда не был жадным. Он был умным. Не хитрожопым, а именно умным. Не имело смысла уходить в акции или депозиты. Не имело смысла вкладываться в брюлики и недвижимость на Мальте. Это только кажется, что девять единичек – много. На самом деле – так, детские цапки.

Именно тогда Док познакомился с двумя интересными ребятами, один его лет, другой немного моложе. Паспорта у них к тому времени были уже швейцарские, хотя корни вполне себе русские. Ребята были чистыми банковскими трейдерами, скопившими сколько-то активов и теперь желавшими их виртуозно преумножить. От них он и услышал слово «интернет». Собственно, пользовался-то он интернетом всюду, но никак не считал русский интернет-рынок достойным внимания. Калька с американского, не более того. Ребята же думали иначе. Они собрались вкладываться в четыре компании. Им было нужно восемнадцать миллионов. У них было одиннадцать и ни центом больше. Когда Док понял, что они не боятся и реально вот «прямо завтра» кинут на банку эти одиннадцать, что были у них практически последними (тот,

что помоложе, даже шале свое альпийское заложил, чтобы добить недостающую сумму), его сомнения куда-то растворились. Он положил требуемые от него семь. И стал ждать у моря погоды.

Погода оказалась лётной. «Швейцарцы» были правы. Через три года Док впервые частично вышел в кэш. Подбив итоги, он обнаружил на своих счетах сто восемь миллионов долларов. При этом ббольшая часть его доли осталась непроданной, а три компании из четырех сидели в устойчивом восходящем тренде. Док понял: это – только начало.

Что такое деньги в этой жизни, он более или менее разобрался. Предстояло ответить на более серьезный вопрос: а он сам – кто такой? Откуда? Куда? Зачем и почему?

Росинант бодро въехал в Пафос и покатился вниз по Димократиас авеню. На кругу у Дебенхамса его подрезал какой-то придурок на чем-то старом и давно не мытом. Док рефлекторно дал по тормозам. Прокачанные тормоза Росинанта сработали мгновенно и мощно. С визгом резины двухтонная гора металла остановилась как вкопанная, и в этот самый момент ему в корму с жутким грохотом въехало что-то, судя по мощности удара, маленькое.

Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела? – подумал Док, открывая водительскую дверь Росинанта и прыгивая на асфальт с высокой подножки.

Глава 07

Колобашка, нахлобученная мордой на фаркоп Росинанта, являла собой жалкое зрелище. В радиаторе зияла рваная рана, капот вздыбился палаткой, лобовое стекло покрыла сеть трещин, а из-под передней части кузова расползалась вонючая, парящая белым лужа смеси тосола с машинным маслом.

Андрей в оцепенении смотрел и не верил глазам своим. Как мог он, профессиональный автомобильный инженер и профессиональный водитель, допустить такую «чайниковскую» ошибку?

– Бл-л-и-и-н... – невольно процедил он сквозь зубы.

Водитель «дефендера», седовласый, бородатый, грузный, чем-то похожий на американского Хемингуэя, молча обошел легковушку, пригляделся к чему-то на заднем стекле и спокойно сказал – неожиданно – по-русски:

– Не расстраивайтесь. У вас приличная прокатная компания, как я вижу из надписи. Значит, есть нормальная страховка, и нет проблем. Достаньте треугольник из багажника, сейчас со всем разберемся.

Пока Андрей собирал знак аварийной остановки, «Хемингуэй» набрал номер и тихо сказал:

– Привет! Да, прилетел и даже почти доехал. Но не совсем. Я сейчас на кругу возле Дебенхамса получил в корму от прокатной машины. Да, секунду... – Док назвал в трубку номер легковушки и прокатную компанию. – Да, вызывай, кого там полагается. Мы будем в Дебе, на втором этаже, в кафе. Ну, звони!

– Послушайте!.. – Док сделал паузу, глядя Андрею в глаза.

– Андрей! – протянул руку Андрей.

– Замечательно, Андрей. Меня все зовут просто Док, и вы вряд ли станете исключением, – пожал протянутую руку «Хемингуэй». – Так вот, Андрей. У нас есть как минимум полчаса, пока подтянутся все, кто будут решать наши с вами проблемы. Им за это заранее заплачено. Ну а нам, зрителям, думаю, не стоит мерзнуть на улице до начала представления.

«Мерзнуть». Сказал же! Какие они тут нежные. Плюс пятнадцать, вечером, в декабре – и мерзнут, да.

– Вы курите? – Док с подносом в руках обернулся к Андрею. На подносе дымился кофе, лежали несколько маленьких емкостей со сливками и пара маленьких пластиковых бутылок с минеральной водой. Бисквитные пирожные на пластиковых тарелочках выглядели очень аппетитно.

– Курю, и вот прямо сейчас не отказался бы.

– Тогда сядем на балконе. Нам налево, – пробасил Док и пошел в сторону автоматических балконных дверей.

Пока Док, достав специнструмент, неспешно набивал трубку, Андрей в три затяжки выкурил «житанину» и на автомате потянулся за следующей.

– Сделайте паузу, – улыбнулся ему Док. – Нам некуда спешить.

– И то правда! – рассмеялся Андрей, промокнул пересохший рот минералкой и принялся за кофе с пирожным.

Безобразия, что он сотворил, было прямо под ними – балкон выходил как раз туда, где на кругу, крепко сцепившись, стояли два пострадавших авто. Андрей окинул картину взглядом сверху и громко рассмеялся.

– Что? – спросил Док.

– Да, анекдот вспомнил. Неприличный.

– Не бывает неприличных анекдотов. Бывают неприличные люди, – улыбнулся Док. – Ну?

– Еще в школе, классе в седьмом, у нас рассказывали. Про Слоненка. Слоненок из «38 попугаев» выебал макаку. Удав спрашивает – ну как? Слоненок отвечает: пока ебал, смеялась, а как кончил – лопнула!

– Да уж, знатно лопнула! – от души рассмеялся Док.

– Самое обидное, – было видно, что оцепенение покинуло Андрея, – самое обидное, что я профессиональный водитель.

– И что такого? – пыхнул Док трубкой.

– Досадно! И допустил же просто ученическую ошибку, как будто вторую неделю за рулем! – Андрей раскраснелся и говорил громко.

– Errare humanum est¹⁶, – ответил Док.

– Сенека? – спросил Андрей.



– Он самый, – удивился Док. – О, а вот и приехали служивые по наши души. Пойдемте вниз.

Аварийный комиссар и еще один человек – из прокатной компании – быстро заполнили все бумаги. Андрей и Док расписались где надо. Еще через пять минут приехал эвакуатор, погрузил легковушку. Прежде чем уехать, водитель эвакуатора достал мешок какого-то белого адсорбента и аккуратно посыпал им лужи на асфальте.

– Вот надо же, – остановился Андрей в недоумении, – я даже не знаю, как тут по телефону вызвать такси.

¹⁶ Человеку свойственно ошибаться (лат.).

– Можно без телефона. Я вас отвезу. Куда?

– В «Саут Кост», если можно.

– Можно, отчего же нельзя. Только сдается, вам выпить не помешает. Да и мне, честно говоря, тоже.

– Так вы же за рулем, Док.

– Так мы же еще ничего не пили!

В баре «Саут Кост» было шумно. Британские туристы возле стойки громко смотрели какой-то футбол, криками и взмахами рук отмечая успехи и промахи участников действия. Док с Андреем уселись за круглый столик в дальнем углу – там было потише и поспокойнее. Официант принес водка-он-зе-рокс, виски, пару сухого мартини, «перье» и целую тарелку с разными канапе.

– Мы же ничего не заказывали... – недоуменно взглянул на Дока Андрей.

– Ну, я здесь не впервые. Бармен знает мои вкусы. А я, похоже, догадываюсь о ваших, – добродушно усмехнулся Док.

С водки и пережитого за последние полтора часа Андрея немного развезло. Он утопился в кресле и, глядя на расплывающийся вдаль экран телевизора, сказал:

– А позвольте спросить. Отчего вы так добры ко мне?

Это было вызывающе бестактно, но Док, похоже, пропустил глупую браваду в словах Андрея мимо ушей.

– Я отнюдь не добр к вам. Точнее, я не абстрактно добр. Вы гость. Впервые здесь?

– Был, много лет назад.

– Ну, неважно. Вы гость. Вы попали в некомфортную ситуацию. Я невольно тоже стал ее участником. Что я должен был сделать – наброситься на вас с кулаками за то, что вы надели свою машину на мой фаркоп? – Док пристально, но вполне добродушно смотрел на раскрасневшегося Андрея. Андрей молчал. Док продолжил:

– Я ехал из аэропорта. У меня не было никаких планов. У меня было хорошее настроение, и, кстати, наши с вами мелкие неприятности нисколько его не испортили.

– Ну да. А у нас, бывает, в таких случаях и бейсбольные биты в ход пускают, – задумчиво сказал Андрей.

– Не только у вас. В Чикаго или в Эл-Эй, например, тоже весело. Особенно если заехать по незнанию туда, куда заезжать – даже по незнанию – явно не стоит. Андрей, здесь другая культура. Иной менталитет. Здесь не принято проявлять агрессию по пустякам. А разбитый автомобиль – это пустяк, согласитесь. Да что мы все о всякой ерунде? – сказал Док чуть громче. – Расскажите лучше, чем вы занимаетесь. Кстати, не пора ли нам на перекур? Заодно сделаем кружок вокруг отеля.

На улице поддувало – с заходом солнца ветер с моря, а до него было не больше пятидесяти метров, усилился. Андрей быстро выкурил свою сигарету, а потом наслаждался запахом трубки Дока.

– Док, а почему вы курите трубку? – спросил он.

– В курении, как и во всем остальном, должен быть смысл, – Док засопел трубкой, она подсветила его лицо красным в темноте. – Курить вредно, кто же спорит. Я и не спорю. Но коль уж ты делаешь что-то вредное, делай это если не с пользой, то, по крайней мере, с удовольствием. Вот какое удовольствие от сигареты?

– Ну как какое...

– Андрей, единственное, что дает сигарета, – она «бьет по шарам».

– В общем, да.

– Что же остается потом, когда сигарета кончилась?

– Неприятный привкус во рту, – честно сказал Андрей.

– И еще – желание закурить снова, чтобы убрать неприятный привкус и снова получить по шарам. Так?

– Так.

– А трубка, мало того что запах ее дыма приятен для окружающих, еще и оставляет утонченное послевкусие у курящего. Я уж не говорю о том, что ее нельзя сосать всегда и везде, как сигарету. Нельзя выкурить двадцать трубок в сутки. Трубка – это процесс. Трубка – это ритуал.

Андрею было приятно быть в обществе Дока. Они вернулись в бар, выпили еще по мартина, и Док решил попрощаться.

– Как же вы поедете, Док?

– Не беспокойтесь, Андрей. Проводите меня, если хотите.

Когда они снова вышли на улицу, заведенный Росинант, уютно рокоча турбодизелем и света диодными фарами, уже стоял возле дверей. За рулем сидел водитель.

– До свидания, Андрей. Да, чуть не забыл. Что у вас с автомобилем? Дадут другой?

– Я не знаю, позвоню им завтра.

– Вот что. Не звоните. У меня как раз есть неплохая машина для вас. Не очень новая, но вполне достойная. Ее доставят вам завтра утром, ключи будут у портье.

– Док, ну к чему такая любезность...

– Это не любезность, Андрей! Я сдам вам ее в аренду за... – Док комично изобразил задумчивость, – скажем, за двадцать евро в сутки. Я люблю деньги, а уж когда подворачивается возможность заработать вчерную, не платя при этом никаких налогов, я вообще на седьмом небе от счастья! – рассмеялся Док, подавая руку на прощание.

Андрей поднялся в номер. Зажег свет, стал было снимать куртку, но передумал, снова застегнулся и вышел на балкон. Он силился понять природу своего нынешнего состояния. Алкоголь? Да ну, нет, конечно же. Андрей на спор мог выпить поллитру водки залпом и не особо ощущать последствия. Усталость? А от чего? Он спокойно выдерживал рабочие смены – и по десять, и по двенадцать, а несколько раз и вообще по шестнадцать часов. Сегодня же он вообще ни минуты не работал. Здесь было что-то другое.

Андрей машинально достал из кармана сигарету, закурил и неожиданно заплакал. Он понял – что с ним, в чем дело. Впервые за долгие годы кто-то посторонний, незнакомый, внезапно проявил о нем совершенно искреннюю, совершенно бескорыстную и при этом совершенно мужскую заботу – как заботится отец о своем ребенке. И тут твои сто девяносто роста, сто веса и сорок пять возраста не идут в счет. Ну никак. Потому что если о тебе заботятся, словно о ребенке, ты – хочешь или не хочешь – ненадолго становишься ребенком. Вот от этого, забытого за годы, чувства и плакал Андрей.

Отец Андрея ушел из жизни двенадцать лет назад. Если спросить: а ты любил своего отца? – то он не нашелся бы, что ответить. С отцом в его жизни было связано многое: и походы с палатками, кострами и котелками ухи над огнем; и делание школьных уроков, потому что папа, наверное, знал всё; и кино – Тарковский, Антониони, Феллини, Линч – и куча вопросов и споров после; и его извечное «я тут тебе книжонку одну любопытную нашел»; и не смолкавший дома «Пинк Флойд».

Но любил ли он отца? Андрей не мог ответить. Отец просто был. Сначала его было много, потом меньше, позже, когда Андрей стал жить с Аэлитой, у отца исчезло лицо, и остался лишь голос в телефонной трубке, и то нечасто. А потом отец умер.

Андрей не плакал тогда. Он выполнил все печальные формальности. Получив через неделю урну, сам отнес ее в колумбарий, поставил в нишу, закрыл плитой и замазал швы алебастром. Андрей не плакал. Просто там, глубоко внутри, там, где были следы отца, образовались пустоты, словно полыньи в зимней реке. Постепенно они стали затягиваться льдом, еще спустя какое-то время тонкий лед стал прочнее – но пустоты под ним остались. И хватило всего одной встречи, одного короткого вечера, наполненного теплом старшего мужчины, чтобы

полыньи снова вскрылись и всё оно снова заболело – как-то по-новому, не так остро, как тогда, но ощутимо.

Странно, но эта боль не мучила Андрея. Где-то в глубине себя он понимал – и не требовалось ему никаких доказательств – что раз болит, то не всё еще в нем, с ним и для него потеряно.

Росинант мягко катил по шоссе в сторону Пейи. Док привалился плечом к двери и рассеянно смотрел на дорогу, набегающую на автомобиль в лучах острого света фар. После заводного джингла: «Ninety! Ninety point eight FM! Sunshine! Sunshine radio!¹⁷» неповторимый голос запел:

There's no chance for us
It's all decided for us
This world has only one sweet moment
Set aside for us.
Who wants to live forever?
Who wants to live forever?
Who dares to love forever?
Oh, when love must die!¹⁸

Человек за рулем вопросительно повернул лицо к Доку.
– Да, – утвердительно кивнул ему Док.

¹⁷ Девяносто! Девяносто и восемь эф-эм! Саншайн! Саншайн радио!

¹⁸ У нас нет шансов, За нас всё решено. В этом мире есть лишь один сладостный момент, Предназначенный для нас. Кто хочет жить вечно? Кто хочет жить вечно? Кто осмелится любить вечно, Когда сама любовь должна умереть?

Глава 08

Кадри разорвала картон замерзшей коробки с пищей, открыла духовку, заляпанную жиром и копотью, зажгла газ, бросила мерзлый блин на противень. Достала было сигарету, но передумала курить в клетушке – потолок низко нависал над головой, это раздражало. Кадри взяла со стола банку пива, толкнула дверь кухни, ведущую в сад, и вышла наружу.

То, куда она попала, можно было назвать садом, только если обладать развитым воображением. Крохотный квадратный пятачок, ограниченный с трех сторон оштукатуренной оградой в человеческий рост, а с четвертой – стеной домика, был завален всяческим старым хламом. Из-под него пробивался бурьян, а там, где хлама и бурьяна по какому-то недоразумению не было, торчали засохшие веники, когда-то бывшие кустами роз. Еще там были брошены два плетеных кресла, одно из них почему-то сохранило лишь три ноги, а вместо четвертой какой-то добрый человек подложил подпорку из красных кирпичей.

Кадри опустилась в кресло, натужно скрипнувшее под ее тяжестью. Халат, наброшенный на голое тело, распахнулся, плетеное сиденье в нескольких местах укололо девушку в ягодички. Кадри поморщилась. Вот только занозы мне в задницу не хватает. Закурила, глубоко затянулась. После паузы выпустила дым, открыла пиво, глотнула пару раз и достала телефон.

– Hallo!¹⁹ – послышалось в динамике.

Кадри молчала.

– Rääkige siis!²⁰

– Мама, это я.

Теперь замолчала мать. Было слышно, как она тяжело, со свистом дышит в микрофон.

– Мама...

– Кадри, ты приедешь на Рождество?

– Мама, я не знаю еще.

Кадри знала. И мать знала тоже. От этого было еще тошнее, еще горче. Вот сидят разделенные тремя тысячами километров две женщины, когда-то бывшие родными – старая и стареющая. Две женщины. У одной за окном снег, на душе зима. А у другой – окна и того нет. Пыль да хлам.

– Мама, мне тринадцатую зарплату на следующей неделе переведут, я сразу вышлю...

– Tänan sind kallis²¹.

– Мама, ты больше не кашляешь?

– Кашляю, меньше. Мне вчера Света звонила. У нее старшая рожает скоро.

– Я знаю, мама.

– Как ни позвонит – все одно и то же. Приезжай да приезжай.

– А ты что?

¹⁹ Алло! (эст.)

²⁰ Ну, говорите же! (эст.)

²¹ Спасибо тебе, дорогая (эст.).



- А я что? Отъездилась я, похоже.
- Мам, ну зачем ты так?
- Я на Пярнамяэ была. Памятник подновили. Оградку поправили.
- Мама, холодно сейчас ездить. Далеко-то как.
- Ну а что? А как иначе? Он сам ко мне не придет. Саша, Сашенька!.. – и тихо-тихо заплакала, будто ребенка обидели.
- Мама...

– Ладно, милая. Ты звони из твоей весны. У меня от голоса твоего дом весь будто незабудками и подснежниками расцветает.

– Мапочка, я люблю тебя!

– Да хранит тебя Господь на всех путях, дитя мое.

Дневной свет стал мутным и радужным, преломленный слезами, как призмами. Из двери легонько потянуло гарью.

– Блядь, пицца! – В три тигриных прыжка Кадри доскакала до духовки, распахнула с грохотом, схватила со стола грязное полотенце, выхватила противень, обожгла руку.

– Михалис, ты там совсем залип, да? Я в саду была! А тебе два шага. Нет же, вот уже воняет, а тебе жопу оторвать лень! Ты дебил, что ли?! Kuradi türa!²²



Зависающий в «World of Tanks» Михалис посмотрел на нее недоуменно, отмахнулся, как от назойливой мухи. Снял наушники:

– Кадри, я что, шеф-повар?! Скажешь тоже. Ты ставила, ты и следи.

– Вот теперь горелое жрать будешь!

– Да ладно, мы не гордые, и так съедим, – Михалис снова повернулся к Кадри, скребя колючий квадратный подбородок. – Слушай, принеси мне к компьютеру, а то у меня катка началась!

– Может, тебе еще и поебаться завернуть?

– Грубая ты, – буркнул Михалис, вернул наушники на место и снова залип в мониторе.

– Не, ну не сука ли! – Кадри с трудом справлялась с горячей волной желания откусить долбаному Михалису голову.

²² Чергова залупа! (эст.)

В домике Михалиса в Героскипу – внизу столовая, она же кухня, она же гостиная. Туалет. Наверху две спальни, ванная. Всё. Дом был материн. Отца Михалис не помнил. А мать уже лет семь как уехала к брату. Брат держал большую богатую винодельню в горах, в Лемоне, в тридцати километрах от Пафоса. Сестру-близняшку любил, тем более что она сильно помогала по бизнесу – лоза да бочки были «его», а вот бухгалтерия наводила тоску смертную.

Михалис остался один. Образования, кроме школы, у него не было. Дядя прикатил ему черный «мерседес» и по связям своим немалым купил за тридцать тысяч евро таксистскую лицензию. Обычные люди лицензий годами ждут – регистрируются в очереди и ждут-пождут, пока кто-то из «лицензированных» помрет. Но можно купить. Дядя не жадный, дядя купил – авось да племянник за ум возьмется.

Михалис годик-другой впахивал, а потом надоело. Вместо того чтобы крутиться, всё чаще зависал в таксистской очереди в Порту под нарды и кофе. Машин много, очередь длинная, денег мало. Зато нескудно и кофе хороший. Правда, время от времени, опять же через дядю, подкидывали Михалису полную занятость на неделю-другую – возить народ с корпоративных мероприятий. Но это далеко не всегда, а так обычно перерабатывать он не любил.

Кроме «танков», была у него другая страсть. ОПАП, букмекерские конторы. А еще ездил, когда финансы позволяли, на оккупированные северные территории – в автоматы в казино играть. Два раза выигрывал, тысячи по полторы-две долларов – на Севере доллар в ходу, не евро. А так обычно проигрывал. До последнего играл, до вывернутых наизнанку карманов. Кадри овладевало сложное чувство, когда он возвращался совсем пустой, а наутро просил у нее хотя бы двадцать евро, чтобы в бак немного залить да на линию выехать.

Познакомились они меньше года назад в Лондоне. Михалис тогда как раз опять выпросил у дяди денег и поехал в Англию за подержанным «мерсом». Сложность была, что на этот раз ему был нужен «сарайчик» – больше чемоданов влезает, да и собаку клиента посадить можно в багажный отсек, если нужно. А «сарайчиков» мало, их как горячие пирожки расхватывают. Будешь сидеть у себя на Кипре да по телефону с продавцами общаться – ничего не купишь.

Вот Михалис и отирался в Лондоне вторую неделю. Как-то зашел в «Tequila Embassy» пообедать. Кадри на него внимания не обратила – обслуживала соседние столы. Он на следующий день пришел – а у нее выходной. Как пришел, так и ушел. На третий день у Кадри вечерняя смена, а Михалису как раз «сарайчик» подогнали – ну он вечером на обновке и приехал, к закрытию. Машину в Q-Park на Лейстер-сквер бросил, место едва нашел.

У Кадри настроение отвратное, она тогда только с пакистанцем своим расплевалась – а тут этот, при цветах, при улыбке и при «мерседесе». Вот не хватало ей эллина после пака для полного безоблачного счастья, ага.

Отвез домой. По навигатору ехал, путался, раза три не туда свернул. На следующий день у нее утренняя, а вечером опять катались. А через неделю, опять в ее выходной, уже самолетом прилетел. И так летал не раз и не два. Она с ним как кошка с мышкой играла – притянет, коготочек вонзит, да оттолкнет, но так, чтобы в пределах досягаемости. Мое – положь, не трожь! Играла-играла и доигралась.

В «Текиле» дела шли хуже некуда. Байрнсон сказал: ребята, работаем последние шесть недель. У Кадри руки опустились. В кармане ветрено, на душе кошатиной поскребнуто, и деваться совсем некуда. Но тут пришла мысль. Позвонила Свете на Кипр. Света с мамой в одном дворе выросли. Только мама – эстонка, а Света – донская казачка. Тогда страна была одна, на национальные несоответствия внимания не обращали. Света через два дня звонит – приезжай, Каранидис тебе место нашел в хорошей гостинице, там владелец с ним из одной деревни. Ну и Михалис под боком, получается. Всё не одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.